

ЗАПРЕДЕЛЬЕ

The illustration depicts a dark, atmospheric scene. In the center, a man with a determined expression, wearing a heavy, layered fur cloak and holding a long spear, walks forward. To his left, a large, muscular, grey-furred creature with a wolf-like head and a horned helmet follows him. The background is a dense, dark forest with tall, thin trees. A bright, golden light source, possibly a fire or a glowing opening, is visible in the distance, casting long, dramatic shadows and illuminating the scene. The overall mood is one of a perilous journey or a quest in a harsh, fantastical world.

Ольга Голосова

Преобразователь

Ольга Голосова
Преобразователь

«Лепта Книга»

2012

УДК 821.161.1-312.9Голосова
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Голосова О. Е.

Преобразователь / О. Е. Голосова — «Лепта Книга», 2012

Один на улице – без денег, без дома, без друзей. А если ты еще вчера был олигархом? Если тебе и только тебе служил мир? Обидно? А что вы сделаете за обещание все это вернуть? Правильно – все что угодно. Или почти все... Тем более что просят от вас вроде бы и немного – найти и отдать вещи, о которых вы никогда не слышали, и которые вам абсолютно не нужны. Ну, и самому сделать выбор, который обычно мы делать не любим...

УДК 821.161.1-312.9Голосова
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	49
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ольга Голосова

Преобразователь

Не успеv стать людьми, захотели стать богами.
Святой Ириной Лионский

Итак, Вилли, давай мы с тобой будем честно расплачиваться со всеми людьми, особенно с Дудочниками. И когда они избавят нас своей игрой от крыс или мышей, если мы пообещали им что-нибудь, выполним свои обещания.

Роберт Браунинг. Пестрый дудочник

Пролог

Пробирка вдребезги разбилась о кафельный пол. Марк Михайлович на секунду зажмурился и представил себе, что эта доза препарата первая и последняя. Что это – все. «Все» – значит нет и не было старинного манускрипта с путаной рецептурой на жаргоне Альберта Великого, долгих ночей и вируса, вызывающего мутацию у черных крыс, из крови которых и нужно готовить сыворотку...

Марк Михайлович открыл глаза и усталым жестом стянул с лица хирургическую маску. Ему вирус не опасен, рядом, в металлическом контейнере, лежат еще девять пробирок с точно таким же веществом. А приготовить их он может хоть тысячу, потому что здесь, в этом грязном азиатском городишке, таким вирусом заражена каждая вторая помоечная крыса, а рецепт тинктуры столь прост, что освоить его под силу любому студенту из Менделеевки. Собрав осколки и подтерев маленькую лужицу, он взял одну из пробирок и поднес к глазам. Чудесная голубоватая жидкость плескалась в ней, жирно сползая по стенкам, как хороший коньяк. Вот она, истинная Aqua Vitae¹ древних – вожденный Преобразователь Гильдии, метаморфинол Успенского. Вода жизни, которая без вируса превращается в воду смерти. Марк Михайлович достал с полки замысловатую коробочку и, открыв ее, аккуратно вложил в нее пробирку. Потом ловким движением повернул ее вокруг своей оси и в открывшееся новое отделение вложил другую пробирку – культуру того самого вируса. Щелкнула скрытая пружина, и флаконы с живой и мертвой водой оказались внутри. Теперь достать их, не раздавив, мог только тот, кто владел секретом, а определить, какая из пробирок должна быть употреблена первой, – только тот, кто хоть раз в жизни...

В этот момент дверь распахнулась, и последнее, что увидел Марк Михайлович, было дуло пистолета, нацеленное ему прямо в лоб. Через несколько минут мощный взрыв потряс дом, и лишь дикие крики случайных свидетелей прорезали душную пустоту тропической ночи.

И никому не было дела до огромной черной крысы, метнувшейся от пожарища в сторону старого мусульманского кладбища.

Глава 1

Как я переехал, не помню...

Хотелось пить. Жара на Гоголевском бульваре стояла невообразимая. Я развалился на лавке и разглядывал свои замечательные летние, сшитые на заказ ботиночки из тонкой и гладкой как шелк кожи. Наверное, такие ботиночки получались у фашистов из человечины – и ничуть мне не жалко этих человек, угодивших под маховик национального романтизма белокурых бестий.

Мне сегодня вообще никаких человек не жалко – себя в том числе. Мне жарко, и жажда справедливости, клокочущая в моей груди свирепым вулканом, смешивалась с жаждой холодной чистой воды. Целым бассейном чистой воды, таким, который ждет и не дождет меня где-то в районе Новорижского шоссе. При воспоминании о так безумно утраченном мною имуществе острое шило ненависти к негодьям, лишившим меня всего, больно кольнуло меня под сердце, и сердце мое заболело уже не в переносном, а в самом кардиологическом смысле этого слова.

– Убью, найду и убью, – пробормотал я и, воровато оглянувшись, поднял с тротуара почти свежий окурок с налетом розовой помады. Зажигалку у меня, как ни странно, не отобрали, и она – остаток былой роскоши – приятно оттягивала карманы моего английского пиджака из светлого льна. Хлопнув золотой крышечкой, я закурил. Окурок оказался ментоловым, что приятно освежило мое пересохшее от зноя и ненависти горло. Я снова прикрыл глаза, уставшие от беспощадного солнца, и предался воспоминаниям.

... Они зашли ко мне в кабинет без доклада. Куда смотрела охрана, где сгинула секретарша и почему никакой добрый гений не нашептал мне об опасности, я не знаю. Их было трое: Клото, Лахесис и Атропос², впрочем, на этот раз они материализовались в моей судьбе несколько по-трансвеститски: двое мужчин и одна женщина. Одного из них я знал: это был соучредитель нашей нефтяной компании, другого, возможно, где-то видел, женщина же была мне абсолютно не знакома. Я посмотрел им в глаза по очереди и, осторожно втянув носом воздух, догадался, что мой час икс настал. От них веяло хорошо знакомыми ароматами силы, богатства и неопределимой общности то ли происхождения, то ли интересов, то ли... Наверное, это и есть запах могущества. По крайней мере, большинство сильных мира сего, которых я знал или видел, обладали именно этим странным и общим запахом. Да и что тут говорить – я сам так пахну. Или пах до недавнего времени. Трудно теперь сказать: без привычного душа стройный этюд моих запахов превратился в жуткую какофонию с сильной доминантой пота и ужаса.

Спустя десять минут я наконец осознал, что меня банально подставили. Откуда взялась моя подпись на банковских документах, согласно которым я украл пять миллионов долларов, переведя их на Карибы, я никогда не узнаю. Но подпись была моя – или кто-то гениально ее воспроизвел. По крайней мере, вежливый и несколько опечаленный случившимся соучредитель Александр Яковлевич Лозинский приложил к оригиналу злосчастной бумаги результат графологической экспертизы, который гласил, что вышеозначенная подпись идентична прилагаемому образцу и с уверенностью в 98,2 % принадлежит тому же лицу, которое... в общем, мне. Стервозная тетка, благодаря ботоксу застрявшая на пороге сорокалетия, как муха в смоле, оказалась пострадавшей стороной и главным свидетелем обвинения. Помахивая наманикюренной клешней перед моим безукоризненным римским профилем и едва не задевая мою прекрасную есенинскую челку, она безапелляционно заявила, что я присвоил эту кругленькую сумму буквально у нее на глазах, а она, несчастный финдиректор, вынуждена была смолчать, так как я пригрозил ей увольнением, а ее невинным малюткам лютой гибелью.

В этот момент все происходящее наконец обрело некий смысл. Я понял, что не сошел с ума и не украл у самого себя (пardon, забыл представиться: Председатель совета директоров нефтегазового концерна «Нефть» Сергей Георгиевич Чернов) никаких миллионов. Я понял, что действительно вижу эту Антропос в первый раз, а сопровождающего ее господина Лаксисис–в сотый. Меня разыграли как по нотам, потому что я или что-то узнал, или чего-то не понял.

Я изобразил удивление и, глядя в лучистые черные глаза Александра Яковлевича, так гармонирующие с нежно-голубым воротом его рубашки и темно-розовым галстуком, сказал, что вины своей не признаю, милую даму вижу в первый раз, но готов к конструктивному разговору о том, что нам всем теперь делать.

– Милый Сережа, – вздохнул Александр Яковлевич и, приподняв невесомые очки с платиновыми дужками, потер переносицу безмянным пальцем, – я верю тебе, но вынужден склониться перед фактами. Поэтому ты сейчас подпишешь дарственную на свой дом, квартиру и автомобиль – и будем считать, что мы в расчете. С сегодняшнего дня мы освобождаем тебя от занимаемой должности по твоему собственному желанию. Все учредители согласны.

В этот момент я зачем-то оглянулся и посмотрел в окно. Вечернее солнце, набухнув золотом, яростно светило мне в спину. Оцинкованные крыши старых доходных домов расстилались передо мной, а над ними опрокинутой чашкой жирно посверкивал ребристый купол Храма Христа Спасителя. Ощущение потери возникло в области солнечного сплетения и, проникнув в кровь, побежало по венам и артериям, сея панику, подобную смерти. «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “Взойду на небо...”»

Я взглянул на свою руку, придерживающую жалюзи, и, заметив мелкую дрожь, усилием воли заставил себя отпустить ни в чем не повинную веревку подъемного механизма. Полоски схлопнулись как веер, золотое сияние померкло, и я обернулся к терпеливо наблюдавшим за мной людям. К моему удивлению, подлый претендент на мою должность и невесть откуда взявшийся финдиректор исчезли из моего кабинета, а Александр Яковлевич, сняв очки, теперь вертел их перед собою. Я рассмотрел старческие вены на его маленьких аккуратных ручках, которые я помнил с детства, перевел взгляд на умный лоб с высокими зальсынами, в очередной раз удивился ресницам Лозинского и вновь обнаружил его сходство с кротким ликом святого Иосифа с картины Лукаса Кранаха Старшего «Святое семейство». И тут я увидел, что Александр Яковлевич действительно взволнован и очень переживает. То ли его смущала сложная роль Иуды, то ли он действительно ничего не понимал, то ли...

Александр Яковлевич наконец отложил в сторону свои очки и, посмотрев мне в глаза, промолвил:

– Сережа, Сереженька... Мне очень тяжело теперь. Факты говорят против тебя, и мне трудно сейчас что-либо сделать... Но я очень прошу тебя, в знак нашей долгой дружбы и в память твоей покойной матери, признаться мне – уверяю, это останется между нами, – зачем, все-таки ты это сделал. И еще. Если ты честно расскажешь мне о завещании своего отца, может быть, я сумею помочь тебе разобраться в сложившейся ситуации. – Произнеся это, Александр Яковлевич снова потянул к себе очки.

Я уловил флюид правдивой мольбы, исходившей от него, и окончательно перестал что-либо понимать. То, что в какой-то момент кто-то решил свои проблемы за счет меня (допустим, даже почти заменивший мне отца Александр Яковлевич), я еще мог понять. Но причем здесь моя мать и мой милый папа, которого я отродясь не видывал? Я и имя-то его узнал из собственного свидетельства о рождении, которое нарыл у маменьки в ридикюле лет осьми от роду. Да и запах! Запах невозможно подделать. Запах правды. Ведь когда человек врет, запах его меняется, как меняются давление и пульс. Мозг не любит вранья. Вранье – это сбой в картине мира. Хакерство в программе. Вмешательство в систему ценностей и координат. Поэтому врать надо умеючи, ежели правду сказать никак не получается. Но все говорило мне, что сидя-

щий напротив меня пожилой и очень уставший человек правдив настолько, насколько вообще может быть таковым.

– Сережа, я попытаюсь растолковать... Сережа, не происходило ли с тобой чего-то странного, необъяснимого? Может быть, у тебя были такие состояния, если можно так выразиться, в момент которых ты *превращался*, так сказать, в м-м-м...

– Давайте начистоту, Александр Яковлевич. Вы думаете, я псих и в какой-то момент, сбрендив, подписал эти бумаги. Или я употребляю наркотики, под воздействием которых я и... спер эти миллионы. Но я не ширяюсь и не нюхаю. И собаки у меня не лают и руины не говорят, что, может быть, свидетельствует о моей исключительности. И дедушка не сумасшедший, впрочем, ни одного своего дедушки я не знаю. Да и по ночам, насколько знаю, в оборотня не превращаюсь. И депрессии у меня не было. И в казино я не играю. У меня вообще все хорошо... было. До сегодняшнего дня. У меня никогда не было проблем! Понимаете, Александр Яковлевич? Понимаете, я спрашиваю? Никогда! – воскликнул я и сам испугался. Мы с Александром Яковлевичем уставились друг на друга и замолчали.

А ведь действительно, дожив до тридцати трех лет, я не помнил никаких проблем. Ну, таких, из-за которых обычно пьют, плачут, колются и одалживают деньги.

Я машинально забросил в угол рта сигарету и закурил. Мой собеседник молчал и крутил в руках очки. Увидев, как я курю, он непроизвольно поморщился, и во взгляде его мелькнуло что-то странное.

– И тебе нравится курить? – неожиданно спросил он тихим голосом.

Тут я сообразил, что раньше никогда не курил при нем. Ни дома, ни в офисе, нигде.

– Да не то чтобы нравится, но так, успокаивает, – я помахал сигаретой и вдруг вспомнил, что теперь я нищий.

– Так что же, Сережа, ты так и не расскажешь мне о завещании отца?

Я смотрел на белеющие в золотистых лучах солнца струйки дыма и абсолютно не понимал, о чем речь. Кому как не Александру Яковлевичу, старинному другу семьи и, скорее всего, любовнику моей матери, не знать, что никакого отца у меня нет. То есть, конечно, биологический папашка где-то обретается, но мать никогда не говорила мне о нем, впрочем, как и о других родственниках. Но сквозь плотную вату паники, облепившую мой мозг, ко мне все же пробилась мысль о том, что по некоей причине все происходящее странным образом связано не с пропавшими долларами и ушедшими налево баррелями, а с неким мифическим для меня завещанием. Мать моя заживо сгорела в автокатастрофе, не оставив после себя ни записочки, про отца я не знаю ничего, не уверен даже, что отчество мое подлинное, а не сочиненное матерью в роддоме для заполнения пустой графы. Но по неведомым мне причинам группа товарищей неожиданно сбрендил, вообразив, что я обладаю завещанием папы-Билли Бонса, и скрываю от своих друзей и благодетелей по меньшей мере карту острова сокровищ, а по большей – вакцину от рака или СПИДа, уж не знаю. Короче, зажал, падла, и делиться не хочу. Ну, раз предполагается, что есть чем делиться, значит, будем торговаться.

– А что рассказывать-то? – я улыбнулся застенчивой улыбкой гомосексуалиста, подсмотренной мной на одной из вечеринок, и ласково погладил ладонью дубовый подлокотник своего любимого кресла.

– Сережа, не дури. Где бумаги – это раз. Второе – какие необычные состояния и в каких случаях ты испытываешь? – тон моего визави стал почти угрожающ, и я почувствовал волну злости и тревоги, излучаемую им.

– Не скажу, – ответил я и про себя махнул рукой. Имущества они меня уже лишили, но, раз твердо убеждены, что я знаю что-то еще, ощутимого вреда моему здоровью не нанесут. А вдруг будут пытаться утюгом? Я вздрогнул и поежился. Становилось страшно.

– Сережа, ты не оставляешь мне выбора. Я не понимаю, почему ты не хочешь сознаться мне в том, что и без того нам известно. Нам нужны твоя добрая воля, твое согласие, понимаешь?

Я ровным счетом ничего не понимал, но признаваться в этом не имело смысла: все равно бы Лозинский не поверил. Поэтому я снова покачал головой.

В тот же момент Александр Яковлевич неожиданно легко перегнулся через мой стол и нажал кнопку вызова секретарши. В кабинете появились уже знакомые мне лица, только в руках у женщины был небольшой чемоданчик. Мужчина зашел мне за спину и, пока я соображал, что к чему, ловко приставил к моему виску пистолет. Наверное, пистолет, потому что самого оружия я не видел, но зато ощутил прикосновение чего-то металлического, тяжелого и прохладного к моей голове.

– Не двигайся, – процедил он, и я замер, ощущая неловкость и недоумение от абсурдности происходящего. И страх, конечно.

Александр Яковлевич не спускал с меня глаз и, как мне казалось, сам явственно чувал, что я боюсь. Я боялся не только смерти. Я боялся, потому что я окончательно перестал что-либо понимать.

Тем временем женщина раскрыла чемоданчик и извлекла из него одноразовый шприц и коробочку с ампулами. Привычным жестом вскрыв упаковку, она щелчком выбила из нее ампулу и, ловко свернув ей головку, стала медленно наполнять шприц неизвестной дрянью.

– Сережа, подумай, не заставляй нас прибегать к крайним мерам, – увещевал меж тем Александр Яковлевич.

Из какого-то безнадежного и тупого упрямства я снова мотнул головой, правда весьма осторожно, чтобы мой страж не принял этого жеста за сопротивление и случайно не нажал курок. По моему лицу градом катился пот, колени противно дрожали, а глаза визитеров не отрываясь следили за мной.

Закончив возню со шприцем, женщина подошла ко мне и принялась засучивать рукав моего пиджака. Невыносимый панический ужас сковал меня при виде шприца. С детства я боялся уколов и ненавидел их, как и вообще все, что могло причинить мне боль и нарушить целостность моей драгоценной шкуры. Наркомания была для меня абсурдом, ибо ни за какие блага мира я не мог бы пересилить отвращение ко всему, что может мне повредить. Нет, я не был трусом в собственном значении этого слова, но некий страшный, неподвластный разуму инстинкт заставлял меня отвергать все, что могло бы причинить мне вред. Я никогда не мог решиться на бессмысленный и неоправданный риск, за что мои одноклассники, а позже и однокурсники, слегка меня презирали. Я терпеть не могу экстрима в любой форме.

От женщины не исходило практически никаких парфюмерных и химических запахов. От нее пахло... Нет, не женщиной. Вернее, женщиной, но иначе, чем от других женщин. Женщины по запаху делились на разные категории: ухоженные, дорого пахнущие фемины и замученные дешевыми дезодорантами и духами тетки. Пару раз мне встречались дамы без личного запаха женской плоти, но они пугали меня своим звериным оскалом. Эта принадлежала к последним. И от нее исходил запах злобы и лекарства. Этого страшного и невыносимого лекарства. Я в ужасе дернулся, пистолет уперся мне в висок, мои пальцы вцепились в ручку кресла, а игла, легко проколов мою плоть, въехала в вену. В шприце за клубилась кровь, Атропос, как и положено мойре, нажала на поршень, и я потерял сознание.

Очнулся я утром, часов в семь. Судя по намертво затекшим суставам, я провел большую часть ночи лежа на чем-то твердом. Например, на скамейке. Я со стоном поднялся и сел.

И тут меня накрыло. Сначала нахлынула волна звуков, которая ворвалась в мой мозг и, спазмировав сосуды, растеклась по нейронам гудками, топотом, визгами тормозов, шелестом листвы, голосами, шуршанием шин, шарканьем ног и цоканьем каблучков.

Следом притекли запахи выхлопных газов, потных тел, мусорных бачков, сигаретного дыма, горелого масла, духов, кошатины и бензина.

А потом пришла боль. Страшная своим бессилием что-то изменить, вернуть и исправить. Тугая петля сдавила голову, перед глазами расплылись цветные пятна, а к горлу комом подступила рвота. Я обхватил руками лицо и упал на четвереньки, прямо на асфальт. Наверное, подобным образом протекает абстинентный синдром. Суставы выкручивало и корежило, самого меня трясло так, что зубы клацали, а внутренности сводило судорогой с такой силой, что болели даже натренированные мышцы пресса. Из желудка потоком извергалась вонючая слизь с остатками вчерашнего ланча.

Неожиданно боль в голове стихла, словно кто-то нажал на кнопку. Я поднялся с колен и попытался отряхнуть с ладоней налипшую на них грязь и блевотину. Отряхнуть было нечем. Я беспомощно оглянулся, и взор мой упал на пучки жесткой травы, клоками торчащие из густого слоя торфяной смеси. Когда коммунальщики делали вид, что благоустраивают территорию, они решили, что растения могут расти в торфе, и щедро покрыли им землю. В результате бурно всходящая трава сгорает на солнце буквально через три дня. Этой же повезло. Видимо, семена упали в родную московскую глину, где благополучно произросли. Я дернул на себя клок и попытался хоть как-то стереть с рук эту мерзость. Руки приобрели загадочный зелено-вато-коричневый оттенок, следы блевотины исчезли, но запах остался. И вкус во рту тоже. Я снова оглянулся и краем глаза увидел, что на меня сквозь закрытое боковое стекло припаркованного на бульваре автомобиля внимательно смотрит незнакомый мужчина. Встретившись со мной взглядом, он отвернулся, машина мигнула поворотником и тронулась с места.

Боюсь, я опять все понял неправильно. Жажда меня мучала нестерпимая. Оглядев себя с ног до головы, я убрался подальше от заблеванной мной лавочки и пристроился в теньке. В ближайшей урне недопитых банок и бутылок не оказалось. Мелкая противная дрожь все еще периодически потряхивала меня, а на пиджаке с внутренней стороны локтевого сгиба предательски ржавели засохшие следы крови. Я осторожно закатал рукав и обнаружил вокруг вены огромный багровый синяк. Полный аут. Ладно.

В конце аллеи показались две девушки вполне подходящего вида. Типа студентки гуманитарного вуза. Сойдет. Когда они подошли ближе, я, схватившись за сердце, вышел им навстречу и, одарив их улыбкой умирающего героя, вполне сексуально прохрипел, стараясь находиться с подветренной стороны:

– Девы, помогите Бога ради. У меня с сердцем плохо стало, а тут какая-то гопота бумажник стырила. Купите водички, а? Я хоть таблетки запью...

В принципе я не помню, чтобы девушки мне отказывали. Мой средиземноморский загар и взгляд из-под челки, проникающий в самую душу не подвели и сейчас. Девушки ойкнули, хихикнули, заметили что-то про опохмел и предложили дойти с ними до палатки возле метро. Я сделал пару шагов, снова схватился за сердце и опустился на первую попавшуюся лавочку.

– Не могу, девчонки. Вправду болит...

В глазах девушек мелькнуло сочувствие, смешанное с сомнением. Но победило первое. Они метнулись к палатке и вручили мне долгожданную пластиковую бутылку с водой. Аж пол-литра.

Я их поблагодарил и хотел было уже откланяться, когда одна из них вдруг как-то странно посмотрела на меня. На ее лице мелькнуло недоумение, словно она что-то увидела или вспомнила. Ей было лет восемнадцать, у нее были не очень правильные черты лица, коротковатый, на мой вкус, и немного вздернутый носик, влажные серые глаза с поволокой и нелепо торчащие во все стороны волосы из криво причесанного короткого хвостика. Я услышал слабый запах, такой знакомый мне, запах, который был у женщины со шприцем. Я невольно вздрогнул, девушка посмотрела мне в глаза и, смутившись, быстро опустила ресницы.

– Как вас зовут? – я словно услышал свой голос со стороны. – Кого мне благодарить как спасительницу?

– Мария, – услышал я в ответ и, прежде чем успел что-то сообразить, увидел, как она схватила свою хихикающую подружку за руку и потащила прочь от меня, обратно к метро.

– Мария, – повторил я и посмотрел ей вслед. Какие-то неясные воспоминания или ассоциации туманились у меня в голове. Она обернулась, и наши глаза снова встретились. Ветер донес до меня слабый аромат ее кожи, аромат, лишенный привкуса духов и косметики.

Вспомнив о том, что еще пять минут назад умирал от жажды, я вернулся на скамейку и, сорвав синюю крышечку, жадно припал к пластиковому горлышку. Когда я опустил бутылку воды, там оставалось совсем на донышке. Неэкономно как-то я пил, по старинке. А надо бы привыкать к новой жизни.

При мыслях о новой жизни гнетущее нехорошее чувство собралось посетить меня вновь, но я отогнал его встречным желанием покурить. Это было несколько проще, чем добыть воду, и только я собрался прогуляться вдоль урн, как возле меня на скамейку опустилась женщина. Она была закутана в нелепую шаль, из-под которой выглядывала длинная цыганская юбка. Но от нее исходил терпкий аромат модных духов, и я подуспокоился, в то же время удивляясь обилию душевных переживаний, посетивших меня за последние сутки.

Тем временем претенциозная молодая леди вытащила из необъятной сумки золотой портсигар, громко шелкнула крышкой, извлекла длинную сигарету и не глядя вручила ее мне. Я благодарно хмыкнул и ответным жестом протянул зажигалку. Дама кивнула и, с удовольствием затянувшись, повернулась ко мне.

У нее оказалась прекрасная кожа оттенка кофе с молоком, глаза цвета персидской ночи и нос, вызывающий стойкую ассоциацию с лошастью арабской породы. Для непосвященных поясию: длинный, тонкий с едва наметившейся горбинкой и немного уклоняющийся книзу на конце. Короче: нос арабской лошади, и точка. Вообще, она была вся как лошадь – тонкая, нервная и норовистая. Не люблю лошадей, но тут я понял страсть Алексея Вронского как к Карениной, так и к своей несчастной кобыле.

– Я Анна, – молодая женщина улыбнулась, показав краешек ровных, похожих на крупный жемчуг, зубов.

– Сергей, – представился я и подивился своим ассоциациям.

– Что, кризис жанра? – женщина окинула меня оценивающим взглядом и усмехнулась.

– Похоже на то, – я уже почти наслаждался неожиданной легкостью бытия, приоткрывшей мне новые горизонты.

– Тогда пойдем ко мне. Чего здесь сидеть-то? – она ловко пухнула окурок в урну, поднялась, поправила сползающую с плеч шаль и закинула на плечо сумку.

Я оценил ее фигуру. Как и бессмертному коллеге, мне было бы вполне достаточно ее щиколотки, чтобы дорисовать все остальное, но нынешняя мода предоставляет информации куда больше, чем действительно нужно. Согласившись с Анной, что сидеть на лавочке действительно ни к чему, я поднялся и вместе с ней двинулся плечом к плечу в неизведанное будущее.

Мы вышли из-под сени деревьев и, оставив бульвар за спиной, углубились в сторону *** переулка. Нырнув в подворотню, мы оказались во дворе обшарпанного дома. Каким образом не снесли эту серую махину, столь не похожую на культурно-исторический памятник, я не понимаю. Подойдя к дверям, Анна набрала код. Пройдя в скрипучую обитую железом дверь, мы очутились в темном парадном. Когда-то красивая и широкая, а ныне облупленная и замусоренная лестница уходила во мрак, а грязная лампочка едва освещала недра старого дома. Пахло плесенью, сырой штукатуркой, далеким подвалом и, естественно, кошками. Я вежливо подхватил женщину под локоть, и мы поднялись по лестнице на один пролет – к лифтам. Лифт был под стать дому. Конечно, зеркала, скамейки и бархатная обивка из него давно исчезли, но

сохранились резные дубовые двери и кованые решетки, ограждающие доступ в шахту. Анна вдавила кнопку вызова, и откуда-то сверху, демонстрируя кишки электропроводов, гроыхая и постанывая, сползла кабина лифта. Мы забрались в ее допотопное чрево и, лязгая и скрипя, поползли на последний, шестой, этаж.

На площадку выходило всего две двери. Правая принадлежала Анне, и, погремев внушительной длины ключом, она открыла одну створку и пропустила меня вперед.

Я протиснулся сквозь двойные двери дореволюционного производства и оказался в просторной прихожей.

Слегка подтолкнув меня в спину жестким кулаком, Анна вошла следом и с грохотом захлопнула дверь, отчего мне на голову моментально осыпалась старая штукатурка.

– И как это тебе удалось сохранить такие хоромы? Поди, ведь бывшая коммуналка?

– Я бы сказала, что это все-таки бывшая квартира, переделанная большевиками в коммуналку, – Анна переобулась в расшитые бисером домашние туфли и, облокотившись о стену, с интересом разглядывала меня.

– Не будем спорить о понятиях, – примирительно заявил я, пытаясь с места оценить масштабы жилья. – Но все же как тебе удалось отбиться от риелторов? Мне кажется, многие из них охотно поживились бы такой хатой. Кстати, мне разуваться?

– Все риелторы – крысы, – вдруг заявила Анна, забрасывая на плечо хвост безумной черной в красную розу шали. – Ну, может, и не все, но преуспевающие – точно.

Высказав эту достойную удивления сентенцию тоном уверенным и даже где-то безапелляционным, она, отделившись от стены, перестала меня разглядывать и, стуча каблучками по разохшемуся, местами сбитому паркету, гордо удалилась вглубь необъятной, погруженной в аквариумный сумрак квартиры, оставив вопрос о переобувании открытым.

Вдалеке раздался грохот, шум воды, лязг чайника о плиту и шипение ожившего радио. В воздухе плавали пылинки, как сор в пруду. Я вздохнул и, опираясь о стену, попытался стащить с ног ботинки, не развязывая шнурков. Обои под моей ладонью зашуршали как опавшие листья. Я повернул голову и обнаружил на них загадочные цифры и буквы типа «Кл. обр. – 198 шур.», выполненные жирной пастой старой шариковой ручки, которая висела неподалеку на белой веревке, зацепленной за гвоздь. «Классический оброк – 198 шурупов» – расшифровал я надпись и ужаснулся странным извивам своего ассоциативного мышления. Стараясь не наступать на совсем уж выдающиеся клубы пыли, все еще на цыпочках (вот она, классовая брезгливость недавно разбогатевшего к давно обедневшим!) я двинулся в полную гулких раскатов глубину. Как лосось на нерест. По дороге, вдыхая густой, пропахший куревом и скипидарной вонью воздух, я почему-то начал дышать ртом. И так и замер возле очередной полуоткрытой двери. Там, внутри, солнечный свет заливал необозримое пространство комнаты, утопающей в золотом сиянии. В комнате находилось несколько мольбертов с холстами, которые подпирала подрамники и, по видимости, готовые полотна. На уголке шаткого столика лежали кисти и краски. Лицом ко мне стояла картина, на которой открывался безумный вид на старый московский дворик, которых и нынче не делают, и сделанных уже почти не осталось. Почему безумный – не знаю. Может, перспектива, может, цвета, но что-то сигналоило прямо в мозг о некоей ненормальности, некоем вывихе в восприятии. Я сделал шаг к полотну, но меня грубо схватили за плечо и развернули.

– И куды пресся? – поинтересовалась Анна. – Все равно ничего не увидишь.

Между указательным и средним пальцами левой руки она сжимала беломорину, а правой больно прищемила мою холеную кожу. Рукава-то на рубашке короткие.

Я поймал ее взгляд, и на несколько секунд мы замерли, пытаясь извлечь полезные сведения из глаз друг друга. Мне это удалось довольно плохо: кроме безыскусной мысли о том, что вижу перед собой очень привлекательную женщину, и притом отнюдь не дуру, мне не пришло на ум почти ничего. Надеюсь, и Анна не особо много во мне разглядела.

– И что ж ты даром на девичью красу пялишься? – в голосе ее, как коньячное послевкусие, отдалась бархатная хрипотца. – За погляд-то деньги берут! Она засмеялась, и в черных глазах ее зазмеилась тоска.

Не знаю, как другие, а я уже через пять минут после знакомства с женщиной знал, пере-сплю я с ней или нет. Невидимые нити, что протягиваются между людьми, были для меня очевидны, и, глядя в глаза женщине, я безошибочно чувствовал, хочет она или нет. Конечно, я не претендую на роль Провидения и ситуации могут складываться различным образом. Но что согласие или отказ даются в первые пять минут, это факт. Но в глазах женщины, остановившейся в опасной близости, была чернота. Там не было ни отказа, ни согласия, лишь какая-то безликая неумолимость, и я вдруг со страхом вспомнил вчерашнюю Атропос со шприцем. Нет, все-таки плохо мужчины изучают тех, от кого зависит их если не жизнь, то ее качество! Мотивы, кто их разберет, эти мотивы Медеи и Каллипсо, Артемиды и Афродиты!.. А ведь один и тот же поступок может влечь за собой совсем разные следствия, чего уж говорить о такой призрачной субстанции, как мотив?

Мы еще смотрели друг на друга, каждый тщательно выискивал что-то во взгляде другого, когда я представил Анну в малахитовом уборе и все сразу встало на свои места. Я не я, и шапка не моя. Не по Сеньке, стало быть. И сани чужие, и каравай прозеван. И кокос осыпался, и крокодил не ловится. В общем, не жизнь, а пикник на обочине.

Анна словно прочла мои мысли.

– В жизни каждого человека, – назидательно произнесла она, отстраняясь и тыча мне в нос папиросой, – бывают такие моменты, когда ему нужно окончательно решить кто он и с кем он. Иначе жизнь выкинет его из птицы-тройки, и будет он лежать на обочине, с завистью глядя, как мимо него проносятся, словно сон роскошные экипажи.

Она поволокла меня за собой по гулкому коридору, как щука пескаря. На кухне она еще раз обернулась ко мне, и с наслаждением потушив окурочок в старой консервной банке, добавила:

– Но сдается мне, что жизнь по ту сторону экипажа гораздо разнообразнее, чем в нем. Только если все время лежать на обочине и завидовать, этого решительно не понять.

Она наконец-то выпустила мое плечо из своих стальных пальцев, и я, потирая прищемленную кожу, очутился на кухне.

Глава 2

Немного секса

Мне кажется, что на территории нашей страны все посиделки, начатые на кухне с чашки чая, фатальным образом заканчиваются бутылкой водки.

Первую поллитровку мы приговорили к трем часам дня. Прогулявшись за второй, я обнаружил себя допивающим оную в районе восьми вечера на той же кухне. К моим голым локтям намертво приклеилась грязная клеенка, переполненная пепельница источала миазмы, а остатки сырокопченой «Еврейской» колбасы маслянисто плавилась на жирной тарелочке. «Кока-Кола», которой мы с Анной запивали, подошла к концу. Собственно, это и вывело меня из духовного оцепенения, и мы, посоветовавшись, отправились за третьей бутылкой водки, которая, по выражению Анны, должна была снять остаточную напряженность между нами. Что она понимала под напряженностью, я не стал уточнять, потому что очень боялся упасть: некоторая лень души привела меня к тому, что я почти потерял навыки общения с представителями строительных фирм и русскими женщинами.

Вернувшись в уже почти родную мне квартиру, мы решили по обоюдной доброй воле переместиться на балкон, так как оттуда веяло свежим, полным выхлопных газов ветерком и летевший прямо в физиономию тополиный пух создавал приятную иллюзию романтических посиделок в собственном имении.

Над Москвой опускались прозрачные сумерки, те самые, что будят в душе неясную тревогу и едва ощутимый плач по невозможному и недоступному. Если в Питере белые ночи, полные сиреневых бликов и синеватых теней, касаются самых заветных струн наших замордованных повседневностью душ, то московские июньские ночи, раскинувшись над бульварами и дворами крашенных в желтый цвет сталинок, почему-то каждый раз вынуждают человека усомниться в самом себе.

Чем больше всматриваешься в недоступно высокое московское небо, чем яснее твой нос улавливает резкий запах мокрого асфальта, тем сильнее подымается из сердца тоска по тому, чего ты так и не достиг. И наплевать, шестнадцать тебе или шестьдесят, – тоска сожмет в кулаке твое сердце и будет тискать его до тех пор, пока не выкатится из-за крыш бледно-лимонное северное солнце.

Водка, конечно, сделала свое черное дело: язык мой развязался как шнурки алкоголика и я, горестно стелая, поведал гордой красавице (про себя я решил именовать ее именно так) о своих злключениях. За достоверность предоставленной ей информации я ручаться не мог, но излагал красиво. Я вспомнил и о *Тайных Завистниках*, которых полно у бедных нефтяных олигархов, и о *Страшных Подковерных Играх*, что ведутся за спиной несчастных *Директоров*, не упустил даже *Коварных Любовниц*, которые ждут не дождутся, когда на их до подлинности примитивные имена переведут иномарки, счета и квартиры в пределах Садового кольца. Умолчал я только о Клото, Атропос и Лахесис, а также о таинственном папеньке с его невнятным завещанием. Мне кажется, новелла получилась у меня хоть и романтическая, но убедительная.

Анна почти не перебывала меня, пару раз взволнованно икнув в самые острые моменты повествования и стыдливо ойкнув вслед. Вообще, для творческой интеллигенции она держалась замечательно: не блевала, не кидалась посудой вниз и не звала на помощь полицию.

Вскоре настал тот стремный момент, когда алкоголь, переместившись в печень, покидает голову, наградив нас тремором и тревожным желанием действия. Мы обнаружили, что над крышами давно возшла круглая, как колесо, луна, с улиц исчезли пешеходы и автолюбители, тополиный пух опустился к ногам, а непонятно откуда взявшаяся в центре Москвы птица заливисто выводит свою одинокую трель. Наступила призрачная московская ночь.

Беззвучно сияли рекламы, ненужно моргал желтым светофор на пустынном перекрестке. Я оглянулся на Анну. Ее глаза чернели глубокими провалами, на дне которых призывно бурлила вода желаний. Я наклонился к ней и поцеловал ее в губы. Ее холодная рука скользнула на мое плечо, и я подумал, что нашел верный способ скоротать пропитанную алкоголем и духотой ночь. Мы дружно, как присяжные, поднялись со своих стульев и вернулись в комнату.

Я опустил на хлипкий диван возле нее и втянул в себя воздух, пытаюсь понять ее запах. Вдыхая аромат ее кожи, я коснулся ее шеи, ключицы, груди. Неповторимая смесь духов и принадлежащих только ей запахов влекла меня к ней. Я приподнялся на локтях, пытаюсь поймать ускользающие запахи, могущие рассказать о ней. Вербена, женские феромоны, табак, бензин – чем только не пахли ее кожа и волосы. И еще один, странный, пугающий меня аромат, от которого у меня что-то ухнуло под ребрами. Я втянул в себя воздух, пытаюсь понять, что так встревожило меня. В ответ ее тело странно напряглось и замерло. Легкое облачко страха и... недоверия, нет, отвращения, вдруг окружило ее. Мне это понравилось: это компенсировало мой страх. Я втянул в себя воздух и, привстав на четвереньки, оказался над ней. Мои мышцы задрожали (так бывает в качалке, когда возьмешь не свой вес), на лбу выступил пот, а перед глазами все расплылось. В ту же секунду она с диким визгом оттолкнула меня и, скатившись с дивана, отскочила в угол комнаты, прижимая руки к груди. Диван, не выдержав таких экзерсисов, накренился, приподнял задние ноги, и я плюхнулся на грязный пол. Честно говоря, только почувствовав, как к моему голому бедру прилип окуроч, я понял, что пол был грязен. С удивлением я смотрел на Анну, в широко распахнутых глазах которой светился ужас.

– Что с тобой? – просипел я, так как от изумления голос мой пропал.

– Ты кто? – спросила она чужим голосом, клацнув зубами и тем выдав овладевший ею страх. Впрочем, от нее прямо-таки разило страхом, и я почти ощутил, как ее кожа, пепельная в темноте, стала влажной.

Я вообще перестал что-либо понимать, заметив, что стою голый на четвереньках посреди комнаты, а в колени и ладони мне яростно впиваются острые крошки.

– Я Сергей, – ответил я и поднялся, отряхивая сор с коленок. Как только я шагнул вперед, женщина отшатнулась, оперевшись в шкаф спиной и зажимая рот руками.

– Н-не по-под-ходи, – прошептала она, стуча зубами, и я разглядел, как побелели ее губы. Я ведь неплохо вижу в темноте.

– Да что с тобой? – снова прохрипел я, а про себя подумал, что влип. Нежданный приступ паранойи у партнерши, так сказать. Нечаянная радость, не побоюсь этого слова.

– Анна, это я, Сережа, – как можно убедительнее и спокойнее произнес я. – Мы только что с тобой разговаривали на балконе, ну, водку пили то есть. Потом совершенно добровольно с обеих сторон решили заняться любовью (это, допустим, зря сказал – запоздало сообразил я). Ты меня, что, не узнаешь?

Почему-то омерзительный пот заливает мне глаза каждый раз, как я собираюсь приступить к половому акту. Вот и сейчас капельки побежали по лбу. Может быть, это детские фрустрации, или неизжитый Эдипов комплекс? Я с остервенением вытер лоб и тоскливо вздохнул.

– Уз-знаю, – проклацала она и, шумно втянув в себя воздух, как человек, решающийся на смертельный трюк, сделала шаг ко мне. Я вздрогнул.

– Ты н-не м-меняешься? – то ли с удивлением, то ли со страхом спросила она скорее себя, чем меня и осторожно помахала рукой в районе моей груди. От нее так разило страхом и беспомощностью, к которой примешивалась некая толика агрессии, что меня торкнуло. Я вспомнил, что всегда любил этот коктейль. Я коснулся верхней губы кончиком языка и почувствовал, что, если она и дальше будет излучать подобные эмоции, я ее банально изнасилую.

Собрав волю в кулак, я наскреб в себе немного джентельменства и как можно нежнее (что было нелегко в подобных обстоятельствах: голый мужик против голой бабы), деликатно поинтересовался:

– Аня, ты что?

Вместо ответа Аня вдруг метнулась мимо меня, схватила со столика некий предмет, размахнулась и обсыпала меня какой-то дрянью, похожей на пудру.

От возмущения я громко чихнул, причем мы оба дружно вздрогнули.

– Ань, ты чего? – снова тупо повторил я. После такой неадекватки мое желание насиловать испарилось, и я ощутил себя намыленным инженером Щукиным на лестничной площадке. Тем более что тело мое в тех местах, куда попал порошок, как-то приятно засеребрилось и теперь посверкивало в темноте. От этого мои прекрасные кубики на прессе приобрели довольно-таки сексуальный вид. Ниже пупка лучше было и не заглядывать.

– Гламурненько так в принципе, – пробормотал я. – Может, это такие сексуальные прелюдии? Голый серебристый мужик, приятно мерцаая, обнимает прекрасную незнакомку... Брачные игры бабуинов отдыхают. Я остервенело почесал себе живот, так как под действием порошка кожа там начала здорово свербеть. А если начнет зудеть ниже? Прилично ли чесать голые яйца при голой даме?

– Аня, – очень осторожно, боясь новых экспромтов, проговорил я, – может, ты мне все-таки что-нибудь объяснишь?

В конце концов, стоя на предутреннем московском бризе, врывающемся в комнату из балконных дверей, я потихоньку начал подмерзать. И серебрился я как-то затравленно, словно жертва оргий времен Тиберия или тот самый пресловутый крепостной мальчик, которого позолотили, а потом забыли отмыть, отчего он, бедняга, скончался в муках и судорогах. Может, и меня ждет столь бесславный конец? Я затосковал и повернулся к Анне задом, пытаюсь отыскать хотя бы рубашу или трусы.

Вдруг Анна издала какой-то булькающий звук и захохотала. Тут уж я почувствовал себя круглым идиотом. Голым, серебристо поблескивающим и со стояком. Графика Бердслея отдыхает.

– Ты, что, человек!? – сквозь смех и всхлипывания с трудом разобрал я.

Тут уж я не выдержал, и испустив вздох, достойный Портоса, подошел к ней поближе и прижал ее голову к своей сверкающей груди.

– Человек, Ань, человек. Широкий, конечно, но – человек. Я бы себя непременно сузил. Но я человек.

В тот момент я был в этом свято уверен.

– Может, пойдем наконец в кровать, а, Ань? А то я замерз и спать хочу.

Я несколько лукавил, но должен же я был заманить эту треклятую бабу в койку?

– Пойдем, – вдруг решительно сказала она и, откинув со лба спутанные волосы, поцеловала меня в губы. К ослабшему аромату испуга примешивались гормоны, и мне это тоже понравилось.

Феерия, а не вечеринка.

* * *

Как она ни ворочалась, а все-таки заснула, повернувшись ко мне спиной и подтянув коленки к груди.

Приятная истома давно оставила мои усталые от спиртовых паров и брачных игр члены, в ребро неистово впивалась пружина, а сушняк терзал пересохшее горло. Я поднялся и, решившись на подвиг, голый и босый отправился на кухню попить и покурить.

Напившись вонючей воды прямо из-под крана и рискуя получить занозу в обнаженную ягодицу, я осторожно присел на табурет возле раскрытого окна и закурил.

Не знаю, как вам, но мне вся эта московская богемная грязюка была глубоко омерзительна. Я никогда не понимал, зачем надо жить так, если можно по-другому, – видимо, я все-

таки ограниченный человек. Девушка была неплоха, но раздражала тем, что, будь я тем, кем был, я бы никогда ее не выбрал. Как не пил бы эту водку, не сидел бы на обшарпанном табурете и не... О, небо! Еще миллион «не»!

В лицо мне пахнуло рассветной прохладой, и я почему-то вспомнил мать. Однажды – это случилось только однажды – я, придя из школы где-то в девятом классе, застал ее мертвецки пьяной. Я никогда до этого не видел свою мать пьяной, как не видел ее такой и потом. Она сидела на кухне в своем любимом вольтеровском кресле и, уронив голову на руку, тупо разглядывала плескавшийся на дне бокала коньяк.

– Сережа? – окликнула она меня, не оборачиваясь.

– Да, мам.

– А ты уже завел себе девушку?

Растерявшись от такого вопроса, я что-то промычал, собираясь улизнуть в свою комнату. Мать в таком состоянии была противна и жалка, вызывая во мне смутное чувство страха.

– Так вот, Сережа, что я тебе скажу, – мать говорила отчетливо, хоть и медленнее, чем обычно, при этом странно покачивая головой. – Сережа, если ты задумаешь вступить с девушкой в... отношения, – при этих словах она отхлебнула из бокала и затянулась сигаретой, зажатой в длинных, тонких, беспокойных пальцах, – делай это по любви или хотя бы... уважая ее. Я прошу тебя. Это очень, очень важно для тебя, – мать подняла на меня черные далекие глаза и посмотрела так, словно хотела загвоздить слова в мою голову. – Да, и еще. Оргазм – это не цель жизни для мужчины, и даже не метод.

Потом она снова уставилась на бокал и замолчала. Я подождал немного и ретировался. С последним высказыванием я был не согласен, так как физиологические потребности еще никто не отменял. Или отменял?

Позже, когда я снова вышел на кухню, матери там уже не было – она опять заперлась в спальне, бесшумно убрав со стола.

Я помню, что она все делала бесшумно. Даже когда ее преследовали приступы загадочной болезни, во время которой она наглухо запиралась в ванной, дверь в которую вела прямо из ее спальни. Вторая ванная комната была в моем распоряжении, но ванная матери всегда была заперта на ключ.

О том, что мать производит необычайно мало шума, мне сказал Эдик, мой друг и одноклассник, с которым мы часто делали уроки у меня дома. Мы с мамой жили в огромной квартире с четырехметровыми потолками, которая досталась ей от бабушки, как она мне рассказывала. Правда, от самой бабушки кроме квартиры не осталось ничего – даже фотографий.

«А ведь у меня нет ни одной фотки матери», – эта мысль посетила меня впервые, оставив странное недоумение. Я даже заерзал на своем табурете, за что и поплатился, прищемив кожу на попе.

Мать вдруг стала призрачной и нереальной, даже нереальнее, чем Наполеон или фараоны, от которых остались шпага и пирамиды. От матери не осталось даже тела. Ее хоронили в закрытом гробу, так как умерла она, сгорев заживо в своей машине. Так мне объяснили. Ее новая «девятка» попала в аварию, что-то взорвалось, и... Так мне сказали. От матери у меня остался на память только ее запах – странный, ни на что не похожий аромат ее тела и духов от Диора.

Я задумался и решил, что, пожалуй, ни разу в жизни не выполнил ее заповеди. Больше того – я вообще впервые вспомнил о ней только сейчас. По каким только мотивам я не оказывался в койке с особами противоположного пола, но среди этих мотивов ни разу не было ни любви, ни тем более уважения. Так, может, поэтому меня так колбасит, что иной раз мне приходится буквально усилием воли держать себя в руках? А этот мерзкий пот, а трясущиеся ручки?

Блин, так и до кушетки психоаналитика договориться можно. Может, это все комплексы?

Я прикурил новую сигарету, хотя не испытывал к этому никакого желания. А много ли я делал в жизни того, чего действительно желал?

Вдруг за моей спиной послышался тихий шорох. Я дернулся и со всей дури стукнулся локтем о край стола. От боли я матюкнулся и тут же обнаружил, что прямо передо мной на потертом линолеуме сидит самая обыкновенная крыса. Сидит и, глядя на меня посверкивающими глазками, живенько потирает свои крохотные ручки.

Я никогда не испытывал бессмысленного страха перед насекомыми, грызунами и змеями. Удивившись наглости со стороны помоечного обывателя, я, презрев опасность быть укушенным за нос, наклонился к крысе.

– Ну что, жрать хочешь? А жрать-то тут и нечего. Так что давай, иди спать.

В ответ крыса выразительно потянула и задвигала носом, отчего усики на ее морде зашевелились. Почуввав приятное для себя, она вдруг подскочила ко мне и обнюхала мою голую ногу. Я ощутил на коже ее слабое дыхание. Потом она перебежала через мою ступню и, что-то пискнув на прощание, скрылась за плитой. Клянусь своей треуголкой, она пробормотала: «Поразительно!».

Подивившись многообразию фауны в отдельно взятой квартире, я зябко поежился и, потирая прищемленный зад, отправился на боковую.

Когда я вернулся в комнату, Анна все еще спала. Одеяло сбилось, обнажив плавный изгиб бедра и четкие линии спины, поделенной пополам безукоризненно ровным позвоночником. Под гладкой кожей намечались тщательно прокачанные мышцы, а ровный загар придавал женщине сходство с отлитой из бронзы статуэткой. Что-то вроде возбуждения шевельнулось у меня под желудком, и, осторожно опустившись на строптивый диван, я провел рукой по ее бедру, коснулся ладонью упругого живота и повел пальцы ниже.

Она вздохнула и что-то пробормотала, пытаясь во сне повернуться на другой бок. Я не позволил ей этого сделать, прижавшись к ней всем телом, и, продолжая ласкать ее, принялся шептать ей в ухо всяческие скабрёзности вперемежку с комплиментами. Нежные бедра мешались у меня с классной задницей, а жемчуг зубов с офигенными... В общем, нужный эффект был вскоре достигнут, и я, удивляясь тому, как много можно добиться языком и руками, заработал себе на утренний... завтрак, скажем так. На этот раз никакие пот и дрожание не омрачили нашего соития, и загадочная заповедь мамочки быстро выветрилась из моей головы.

Глава 3

Торг

Проснулся я ближе к полудню и сразу почувствовал, что остался в квартире в полном одиночестве. Анна ушла, беспечно бросив на своего недавнего знакомого, то есть на меня, свое движимое и недвижимое имущество. По шкафам я лазить не стал, но, обнаружив в ванной стиральную машинку-автомат, запихал в нее всю свою наличествующую одежду и белье. Затем я быстро принял душ и почистил зубы единственной щеткой, торчавшей на полочке под зеркалом среди ошеломляющего количества тюбиков и флаконов. Всунув ноги в чьи-то резиновые шлепанцы и накинув халат Анны, расшитый великолепными, но несколько полинявшими драконами, я почувствовал себя несколько посвежевшим отправился на кухню. Халат, оказавшийся к тому же не дешевой рыночной поделкой, а самым настоящим аутентичным шелковым двухслойным халатом с ручной вышивкой, приятно охлаждал тело.

На столе, уже очищенном от вчерашнего безобразия, красовались сигареты, сахарница, пачка молотого кофе, тостовый хлеб и пять тысяч рублей. Видимо, Анна уже успела метнуться в магазин, дабы ее м-м-м... сожитель не остался голодным и без курева, а потом отправилась на работу или куда там еще. Я зажег газ под раритетным латунным чайником времен Первой мировой войны, сунул ломтики хлеба в брэндовый тостер, насыпал кофе в чашку и затянулся сигаретой. Окно выходило на запад, поэтому из него приятно веяло теплым ветерком. Жизнь альфонса начинала мне нравиться, и, в лирическом настроении созерцая закипающий чайник, из загнутого носика которого начали со свистом прорываться струйки пара, я задумался о том, как мне провести сегодняшний день. Внезапно до меня дошло, что прямо передо мной на стене висит плазменная панель телевизора, которую, хоть убей, я вчера даже и не заметил. Надо же, смог провести целые сутки, не пялясь в экран, и даже не сошел с ума. Или все-таки сошел? Пульт лежал на холодильнике. Я заварил себе кофе, намазал хлеб маслом и включил телевизор. Передавали новости. Что-то внутри нашептывало мне, что я имею все шансы услышать о себе по телевизору: ведь не хухры-мухры, а отставка председателя совета директоров одной из крупнейших нефтяных компаний. Но... Кроме цены за баррель, которая опять колебалась из-за проблем на Ближнем Востоке, и паники на американской фондовой бирже ничего нового не прозвучало. То ли не посчитали нужным информировать об этом страну, то ли посчитали нужным вообще никого не информировать. Пока. Пока я не одумаюсь, не сознаюсь, не найду завещания и не расскажу дяде Саше Лозинскому, что от секса меня мутит, хотя и не всегда.

Обнаружив на другом канале столь же бесконечный, сколь и бессмысленный сериал, я продолжил свое блаженное ничегонеделание. Если бы не глухой кулак тоски, монотонно лупивший меня под сердце, я смог бы убедить себя, что это всего лишь забавное приключение, от которого останутся только прикольные воспоминания.

Одурев от рекламы и от бесконечных ток-шоу, которыми сменился совершенный в своем безмятежном идиотизме детектив, я пошел в ту комнату, где стоял мольберт, и внимательно рассмотрел картины. Их было немного, и, судя по всему, авторство большинства из них принадлежало моей новой подруге. Закончив осмотр экспозиции, размещенной на стенах, я перешел к холсту на подрамнике, закрепленном в профессиональном мольберте. Стандартный холст 40х60 нес на себе нелегкое бремя городского пейзажа. Сюжет был ясен, «как простая гамма»³, цвета чисты, как у Петрова-Водкина, стиль определим любым учащимся художественной школы. Что-то в духе подмосковного реализма, только вместо террасы и яблук – дома и сирень. Ну и в чем тут цимес, он же смысл, она же соль? Картинка – ну и что? Где кайф? Отчего люди прутся? И прутся ли? А может, они только прикидываются, чтобы выглядеть тон-

кими и духовно развитыми? Ну картинка, ну нарисована, ну хорошо нарисована. Оригинально. Иногда даже похоже.

Что, черт побери, видят некоторые особи, часами простаивая перед полотнами? Где ответ? Нет ответа.

Оттого что я этого не понимал, я всегда испытывал легкое чувство неполноценности. Хотя мой лучший друг Эдик, сдвинутый на полотнах, научил меня разбираться в стоимости картин и я мог выбрать подходящие, чтобы закрыть, например, дыру в обоях, вполне ликвидной вещицей, я никогда не мог понять, что же, черт побери, люди в них находят. Это раздражало, так как слегка отдавало несовершенством моей личности, ее едва уловимой неполноценностью, а я любил в себе полноценность во всем. Отвернувшись от картин, я обратил взор к книжному шкафу. Взгляд мой лениво перебежал с полки на полку, пока я не узрел со школы знакомые корешки. О! Какая милая вещица: «Жизнь Клима Самгина». Я вытянул первый том и с наслаждением наркомана, достающего из кармана закопченную ложку, произнес любимую фразу героя: «А был ли мальчик?»

Завалившись на неубранный диван в «своей» комнате и закинув ноги на подлокотник, я углубился в чтение. Не могу сказать, что глупый пингвин, он же певец русской революции Алеша Пешков был глубоко близок мне по духу, но я уважал его за две вещи. За препарирование души русского среднестатистического интеллигента-мерзавца Клима, в коем я находил столь много близкого, и за отс... простите, отхваченный особняк постройки Шехтеля. И то и другое – достойный итог деятельности писателя. Мастера, так сказать.

Из мира литературы в районе описания шлюхи-белошвейки, которую столь прекрасно сыграла в сериале любимая актриса, меня вырвал дверной звонок.

В пустынную и гулкую, как ущелье, квартиру он ворвался милицейской сиреной, и, едва не свалившись с норовистого ложа, которое опять взбрыкнуло копытами, я задумался, как мне себя вести. Прикинуться, что в квартире никого нет? Открыть?

Я тихо подошел к дверям и, приоткрыв первую пару, заглянул в глазок на второй. На лестничной площадке стоял друг моего детства Эдик Захаров и с интересом смотрел прямо на меня.

Прикидываться идиотом вряд ли имело смысл, и, повозившись с замком, который, к счастью, отпирался изнутри без ключа, я отворил скрипящую дверь. Эдичка был без спецназа и, безглаголиво оглянувшись, непринужденно ступил в мой приют.

– Ты один, – произнес он скорее утвердительно.

– Как видишь, – отвечивал я и кивнул вглубь коридора. – Проходи, гостем будешь.

– Ой-ей, Сережа, до чего же ты дошел в поисках собственного «Я», – сказал он тоном слепоглухонемой бабушки и, боясь запачкаться о стены, проскользнул мимо меня на кухню.

– Ты сам меня нашел или кто-то помог? – ненавязчиво поинтересовался я, стыдливо запахивая узковатый для меня женский халатик.

– Помагли, дарагой, канэчно, помагли, – он, оглянувшись вокруг, посмотрел мне в глаза. О, сколько раз я видел этот взгляд! Как хорошо я знал, что он на самом деле означает.

«Осторожно, Серый, – гласил взгляд на этот раз. – Ты по меньшей мере под наружкой, а может, даже уже и на прослушке. Так что не болтай лишнего. Я не просто так зашел к тебе, мне бы очень хотелось ТЕБЕ помочь. В пределах разумного, конечно. Да что тебе объяснять, на моем месте ты бы вел себя так же. Или почти так же». Потом Эдик отвел глаза, и я с жадностью вдохнул в себя воздух.

Лучшие друзья – это очень странный предмет. Вот они есть – и вот их уже нет. Я давно пытался разгадать тайну настоящей дружбы. Но никак не мог – вначале по недостатку ума и жизненного опыта. (Кстати, по моим наблюдениям, этим опытом точно так же меряются в бане, как и другим органом мужской самоидентичности.) Потом мне не хватало усидчивости, потому что, когда половина моих приятелей села, я все еще оставался на свободе. Потом у

меня иссякло время, а теперь вот и деньги. В общем, как говорят киники, они же стойки, они же псоглавцы – «тайна сия велика».

Теперь, глядя в скрупулезно выбритое электронной бритвой нового поколения лицо Эдички, красиво оттененное рубашкой из матового шелка, я затосковал, ибо мне открылась истина. Но это была не та Истина, которая делает человека свободным. Это была одна из тьмы истин низких, которых, безусловно, дороже нам упоительный или, там, возвышающий обман – уже не помню точно.

Эта истина гласила, что лучший в мире Эдичка пришел ко мне парламентарием, потому что, кажется, *служил им*, а служил он им потому, что прислуживаться, ему, разумеется, было тошно. Служил еще с тех времен, когда мы вместе под стол ходили. Или блевали там – не помню уже.

– Ну что, Серега, – сказал он, плюхнувшись на расшатанную мебель и с хрустом потянувшись к столу, на который уже успел бросить свой титановый мобильник. Вынув из кармана брюк такую же, как у меня, платиновую зажигалку, он пыхнул огнем и затянулся. На его безупречно мужественном лице отразилась грустная озабоченность, и он посмотрел на меня с плохо скрытой любовью.

Я предполагаю, что мужская дружба всегда несет в себе некую пронзительно беззвучную ноту гомосексуальности. Некий шарм потаенного желания слиться воедино и вместе погибнуть за высокую цель или страшную тайну навроде платоновских андрогинов. Дружат те, кто по каким-то причинам хотят слиться не во единую плоть, как заповедано, а, скорее, раствориться друг в друге при полной невозможности реализовать это в жизни.

Эта еще одна низкая истина озарила меня, как вспышка дорогущей зеркальной фотокамеры, и я замер перед ней (истиной, разумеется, а не камерой) как младенец перед погремушкой. Я вдруг отчетливо представил себе, как мы перед выпускным боремся с Эдичкой в прохладной воде Москва-реки, и я чувствую обожженной на солнце кожей прикосновение его рук. Перед моими глазами мелькнули его загорелая скула, висок с голубоватой жилкой, отпущенные до плеч волосы. Запахло тиной, вода туго и холодно ударила меня в пах...

Я стряхнул наваждение и с трудом вернулся в продавленное кресло Анны. Оказалось, что я прослушал начало трогательной речи.

– ...Ты не можешь превратиться в тупую скотину, в обитателя дна, в банального неудачника, черт побери! – Эдик нервно уронил пепел на грязный пол и с негодованием оглядел сигарету. – Пойми же, я хочу тебе помочь!

Я с удовольствием вдохнул запах его одеколона. Вовсе не горьковатый, а, наоборот, сладенький и от того вызывающе сексуальный. Даже штаны мялись на нем как-то особенно эротично. Тьфу, пропасть! О чем это я? Мужская дружба, дети, – это не просто взаимовыручка, но еще и два-три грамма феромонов... соперничества, ревности и тоски по несбывшемуся. Все, кто любит песню про черного ворона, поднимите руку! А все, кто про атамана, – другую. Лично я люблю «Ой, то не вечер, то не вечер...», так что должен вообще выйти из класса. Так кто кого предал? Я его, когда с наслаждением отдался женщинам и азарту, или он меня, когда закусив губы, втирался в компанию, как кокаин в десны?

– Отдай им это проклятое завещание, и ты снова будешь жить как хочешь. Ты получишь обратно свое кресло или кресло повыше. Только помоги им, Серый.

– А почему именно я? – вопрос, сколь банальный, столь и необходимый, слетел с моих уст, и я вдруг почувствовал, как что-то предательски вздрогнуло у меня под ребрами. Незабываемый аромат офисного коридора мимолетно коснулся моего обоняния, и я со сладостью ощутил себя отпирающим дубовую дверь с роскошной табличкой «Председатель совета директоров».

Нагретая моей ладонью бронзовая ручка покорно поддается, и тяжелая дверь мягко уходит, пропуская меня в святая святых упоительного стяжательства. А этот обнимающий ноги

в сшитых на заказ ботинках ковровин, что подобен волосам Офелии, тянущимся в зыбкую пучину иллюзий ... А это кресло, пахнущее кожей и коньяком, кресло, в котором одинаково удобно и спать, и мыслить... А свежесть рубашки, падающей на плечи после контрастного душа, а студящий зубы апельсиновый сок, выпиваемый вопреки правилам вместе с кофе... А ласково урчащий двигатель собственного «Майбаха», который слаще водить самому, хоть и положен к «Майбаху» водитель...

И опять, замечтавшись, я прослушал половину ответа. А потом снял его мысль в полете следующим риторическим вопросом:

– Скажи, Эд, а ты меня когда-нибудь любил?

Эдик умолк, потянулся за следующей сигаретой и, прикурив, выпустил в потолок тугое колечко дыма.

– А тебе это зачем? – он посмотрел на меня своими скорбящими шелковичными глазами, и от его взгляда у меня даже где-то в мозге зачесалось.

– А я все пытаюсь разгадать тайну мужской дружбы. Вот, например, мог бы ты полюбить меня как... ну, не как женщину, конечно, – тут Эдик неприлично хмыкнул, – а как... ну, как свою первую любовь, например. Мог бы?

– Если тебе от этого будет легче вспомнить, где лежит завешание, я тебе отвечу. Я тебя не просто любил, Сережа. Я тебя боготворил. Как женщина – мужчину. Как мои предки – по меньшей мере царя Соломона. Но ты по жизни пользователь. Я даже не могу вспомнить кого-нибудь, кого бы ты не использовал как гондоны. Все люди у тебя одноразовые. Да, собственно, что тебе до людей!

Эдик со злостью погасил недокуренную сигарету в консервной банке из-под шпрот и, вскочив, наклонился надо мной.

– Что тебе до людей, я спрашиваю?! И не прикидывайся идиотом! Ты думаешь, ты «чаяние народов»? Ты – тварь стадная, ты в одиночку – никто! Биомасса с отдельно взятым лицом, представитель семейства... – Эдик оборвал себя на полуслове, зло рубанув перед собой воздух ладонью. – Хоть это ты понимаешь? Тебя же нет, ты всего лишь жалкая ошибка мутаций, фокус побочной реакции мозга, аппендикс эволюции вида! Как можно любить «представителя вида», ты никогда не заморачивался? Или ты решил, что тебе все позволено, если твой папочка... сам знаешь кто? Или ты не знаешь, кто твой папочка? Опыты над твоей матушкой были вполне успешны – «радуйся, обрадованная»⁴, черт побери! Подопытные крысы!

Я зачем-то встал и ударил его в лицо. Нехорошо ударил, но и не со всей силы.

Эдик всхлипнул и схватился за нос. Его пальцы, рубашка и даже брюки мгновенно вымокли в крови. Теплый сладковатый запах ударил мне в ноздри, и я дотронулся до рук Эдика. Испачкав пальцы его кровью, я растер ее между ладонями. Мне не было стыдно. Мне было до слез жалко самого себя. Я устал от шума, грязи и вони. Мне хотелось в свою чистую белую спальню, где никого нет и слабо пахнет озоном от огромного плазменного экрана. Я сразу полюбил этот запах высоких электронных технологий. А вместо того чтобы сейчас валяться на прохладных шелковых простынях, я должен второй день торчать в женских тряпках на убогой кухне и, отдирая от засаленной клеенки вечно прилипающие к ней локти, выслушивать потусторонний бред от своего бывшего лучшего друга. Да он еще и маму приплел, Царствие ей Небесное. Мама-то ему чем не угодила? И что за опыты? И какой такой папа?

И я решил перехватить инициативу.

Я стащил с крючка первое попавшееся полотенце и, намочив его в пахнувшей хлоркой воде, сунул Эдику. Потом я усадил его обратно в кресло, отколупнул из морозилки кусок льда и приложил к его переносице. Он благодарно кивнул, дрогнув своими невыносимыми ресницами. А вдруг, если бы Эдик сказал мне о своих чувствах раньше, я бы стал гомосексуалистом? О, ужас...

Эдик промычал что-то нечленораздельное, помахал рукой в запекшейся крови и пару раз нервно дернул ногой.

Да-а, нет, нет у меня иного друга и, чаю, более не будет.

Схватив стул, я уселся на него верхом, как плохой следователь, и строгим голосом спросил:

– Скажи мне, Эдик, что ты знаешь о моем отце и какие такие опыты ты имел в виду? Еще можешь мне рассказать о завещании, которое вы все ищете.

– Ты дурак или прикидываешься? – прогундосил Эдик из-под полотенца и покрутил пальцем у виска. – Изгадил мне брюки с рубашкой, а теперь вопросы задаешь?

– Эдик, не вынуждай меня...

Тут Эдик сорвал с лица полотенце и с неподдельным изумлением уставился на меня:

– Никогда бы в жизни не поверил, что ты... ты этого не знаешь!

– Я действительно ничего не знаю и не понимаю, Эд. Может быть, ты пишешь наш разговор... – при этих словах Эдик быстро и согласно кивнул, бросив кроличий взгляд в сторону своего телефона, и я едва не сбился с темпа, но, перенабрав в легкие воздух, как фигурист, продолжил:

– Может быть, я слишком рано сбрасываю карты, но я действительно ничего не знаю. Совсем. Я не знаю, кто была моя мать и почему она умерла. Я никогда не слышал о своем отце, и тем более не в курсе, какое завещание он оставил. Ради нашей дружбы помоги мне, Эд! – я произнес эту речь самым проникновенным тоном, на который был способен, и бросил на Эда взгляд, который бы свел с ума любую женщину.

По лицу Эда пробежала легкая гримаса душевной боли, и он снова посмотрел сначала мне в глаза, а потом на телефон. Ему было больно, мне было больно, всем было больно. Но истина дороже – так, кажется, говорят господа любители истины?

– Если ты и вправду ничего не знаешь, все, что я скажу сейчас, тебе может показаться полным бредом. Если знаешь – тебе же хуже. Придется ломать комедию до конца разговора. Если ты не тот, за кого тебя принимают, забудь все, что я сказал, и возвращайся на работу. Они будут ждать еще три дня. Пока не рассосется сыворotka у тебя в крови. Если за это время с тобой не произойдет ничего необычного, просто возвращайся домой, и все. До тех пор... лучше не надо. Это *мой* тебе совет. Конечно, это они сказали мне, где ты сейчас. С того самого момента, как тебя укололи, с тебя глаз не спускали. Но так ничего и не увидели.

– Анна тоже одна из них?

– Кто? А-а, эта... – Эдик бросил брезгливый взгляд на китайский халатик, слабо прикрывающий мое брэнное тело. – Нет, она другая. Она из других. Совсем из других. Из тех, кого тебе нужно особенно опасаться. Ну, хочешь правду или кончишь валять дурака и начнешь разговаривать?

– Почему пришел ты? Ты с ними?

– Я работаю на них. Давно. Вся моя семья работает на вас. На них. Они это и ты, Сережа. Они это...

В этот момент телефон Эдика затрясся титановым корпусом и зазвонил. Мелодия повторяла дребезжащую трель старого эбонитового аппарата. Мы вздрогнули. Потому что на долю секунды оба ощутили себя в *том* времени, когда звонок телефона приравнялся к статье.

Эдик быстро схватил трубку.

– Алло... – секунду поколебавшись, он пальцем поманил меня к себе и показал на телефон. Я наклонился к Эдику и прижался ухом к его руке. На несколько секунд мы соприкоснулись щеками, и я заметил, как порозовела его скула.

– Заткнись, Эдик, – сказала трубка незнакомым мне голосом, – и не болтай больше чем нужно. Пусть скажет, что знает; за это предложи ему то, о чем договаривались. Не согласится –

его проблемы. Да и три дня еще не закончились – до этого мы не можем ни в чем быть уверены. И без самодеятельности.

В трубке раздались гудки, но я, желая подразнить его, все еще прижимался к нему щекой. Первым сдался Эдик. Он резко отстранился и положил телефон обратно на стол.

– Ты все понял? – произнес он одними губами, и я кивнул в ответ, возвращаясь на свой стул.

Эдик тяжело вздохнул и закурил, стараясь не встречаться со мной глазами.

– Ну, так на чем мы остановились? – я потянулся за пачкой сигарет. – Кстати, ты стал много курить.

Эд осторожно промокнул распухший нос мокрым окровавленным полотенцем и внимательно оглядел результаты.

– Да не течет уже, не течет, – я отобрал у него тряпку и бросил ее в мойку.

– Мы остановились на том, что твоя мать...

– Не надо, Эд. Не повторяй все сначала. Давай что-нибудь поинтересней.

– Если ты не в курсе, то твоя мать рассталась с твоим отцом прежде, чем ты появился на свет. Твой отец занимал крупный пост в... некоей м-м конкурирующей организации, которая занималась теми же научными разработками, что и мы. Да-да, именно мы, а не я или вы, Сережа. В некотором смысле, воспользовавшись близостью с твоей матерью, он добыл ряд важных сведений, которые помогли ему сделать гениальное открытие раньше нас. Но вместо того чтобы ознакомить с ним своих коллег, он предпочел утаить от них сам факт своего открытия, притворяясь, что по-прежнему весь в трудах.

– А хоть из какой области наук это открытие? Генная инженерия? Фармакология? Химия? Физика? Что, черт побери, так волнует вашу или нашу компанию?

– Можно назвать это генной инженерией, можно – биотехнологией. Кому как нравится.

– Это о том, над чем и ты ломаешь свой мозг?

– Да, естественно, да, – Эдик по старой привычке хотел потереть нос, но, едва коснувшись травмированного органа, взвыл и злобно посмотрел на меня.

– Неужели до тебя до сих пор не доперло?

– Что не доперло? – я и вправду ничего не понимал.

– Ладно, – Эдик глянул на меня воспаленным взглядом санитаря из дома скорби, – тогда продолжу. – Итак, твой отец...

– А как его хоть звали, моего папу?

– Сейчас это не принципиально. Будешь перебивать – я разозлюсь.

– И что?

– Да ничего. Просто придет твоя подруга, и все закончится большими проблемами для нас обоих. Итак, – снова повторил Эдик, – твой папа в результате кропотливых трудов и гениальной интуиции сумел получить столь необходимое нам вещество.

– Вещество, а не бомбу – уже хоть какая-то ясность.

– ... Но, понимая, что его непорядочное поведение по отношению к организации рано или поздно будет разоблачено и будут приняты соответствующие меры, он из невыясненных соображений решил завещать препарат тебе. Для этого он запалял один из образцов в контейнер, приложил к нему формулу, оформил завещание, заверив его у нотариуса, и... Вот дальше и начинаются вопросы. Для того чтобы ты смог воспользоваться завещанием, тебя просто необходимо было известить о его наличии. Вопрос в том, как это ему удалось, где теперь завещание и что в нем написано. У нотариуса завещания не оказалось. По его словам, заверенные бумаги твой отец забрал.

– А что в нем написано?

– По нашим предположениям, в нем должно быть написано, где препарат и как до него добраться, а также должно находиться подтверждение твоих юридических прав на патент и прибыль от него.

– И как высоки предполагаемые дивиденды?

– Кто владеет препаратом – владеет миром. По крайней мере, по сегодняшним раскладам.

– О-го-го! А я, стало быть, крысятничаю? И ради этого вы меня подставили, вышвырнули отовсюду и тэ дэ и тэ пэ?

– Это лишь демонстрация сил, напоминание, кто хозяин, Сергей. Но все обратимо!

В этот момент титановый телефон снова издал пронзительно дребезжащий звук, свойственный его эбонитовому прадедушке.

Мы опять вздрогнули как по команде и, надеюсь, с одинаковой ненавистью уставились на проклятый аппарат.

– Это ты специально так развлекаешься?

– В память о деле врачей и преемственности поколений, – прошептал Эдик, глядя на трубу, как на гадюку.

– Memento mori, – я наблюдал, как Эдика медленно засасывает в телефон. Аллегорически, конечно.

– Все, разговор продолжим в другой раз, – быстро сказал Эдик, получив новые инструкции, и, еще раз с отвращением оглядев испорченные кровью вещи, бросил на меня укоризненный взгляд престарелой нянюшки. – Теперь-то, я думаю, ты все понял. Или почти все.

– Да, информация к размышлению есть, – протянул я. – Провожать не буду.

– Не надо.

И он ушел, аккуратно прикрыв дверь.

Когда, преодолев обрушившийся на меня приступ слабости, я запер за ним, то не испытал облегчения. Я испытал острый приступ тоски по дружной семье богатых и успешных, которую я утратил, тоски по деньгам и людям, от которых хорошо пахнет. Я захотел обратно, но ценой возвращения было то, о чем я не знал ничего, кроме общих фраз, и о чем рассказывать мне, судя по всему, никто не собирался. «Все обратимо», – сказал Эдик. Неужели?

Как можно возвратиться в мой кабинет, в мою любовницу, в мой «Майбах», если они с такой легкостью сделались не моими? А если подобные метаморфозы войдут в систему?

Эдик, Эдик, если бы я мог вернуться в тот вечер, когда трое еще не вошли без стука в мой кабинет. Если бы я мог снова не думать...

Я закурил, но дым попал не туда. Прокашлявшись, я завалился на жалобно стонущий диван, и, повернувшись к его потертой спинке, стараясь не дышать глубоко, впервые честно себе сказал: «Жаль, Сереженька, что тебе никого не жаль».

Глава 4

Мария

Наступил второй день из назначенных мне приспешниками коварного кардинала, а я, вместо того чтобы рыться в барахле покойной матушки в поисках символических артефактов, опять прохладился на скамейке неподалеку от Грибоедова. Закинув ногу на ногу, я размышлял о том, что у невольных и добровольных соглядатаев может составить превратное мнение обо мне как о безнадежном сибарите. А что, если они перестанут меня уважать?

Скажут: «Не мужик наш Серега», и никогда больше порядочные олигархи и их органы не подадут мне руки. И денег займы не дадут. И на юбилей в рублевский особняк красного кирпича, с фонтаном, изображающим Самсона, раздирающего пасть льву, не позовут! Вот он, настоящий крах!

Но настоящий крах был в другом.

Пять тысяч рублей, оставленные Анной, закончились, ее не было дома вторые сутки, трудоустроиваться я не рвался, и сигарет у меня снова осталось всего две. Нет, не могу я еще уместить свою продуктовую корзинку москвича в три тысячи пятьсот рублей. Даже в пять не могу. И в пять пятьсот не смог бы. Я лениво созерцал залитый солнцем бульвар и думал об импрессионистах. Что мне еще оставалось?

Мозаичная игра света и тени на дорожке, ленивое колыхание листьев, волны запахов – можно закрыть глаза и представить себя в Ницце. Все то же самое – даже фастфуд со стойким амбре пережаренного фритюра. Кстати, я ну никак не мог проникнуться импрессионистами! Зрение стрекозы, помноженное на острый психоз. Однажды в каком-то офисе я увидел, как любящий родитель прилепил на стенку котенка, собранного его чадом из пазлов и наклеенного на бумагу. Не могу сказать, что сие творение хоть чем-то визуально отличалось от картины Моне. Мозаики в Римских термах произвели на меня в свое время гораздо большее впечатление – хотя бы тем, что их авторы складывали из осколков целое, вместо того чтобы дробить целое на части.

Словом, я оставил в покое проклятых импрессионистов и обратился к более занятному предмету – прохожим. С интересом оглядывая снующих мимо людей, я забавлялся тем, что составлял их психологические портреты.

Вдруг я нечаянно встретился взглядом с какой-то девушкой. Несколько мгновений я рассматривал ее фигурку, прежде чем до меня дошло: это Мария!

Я заметил, как она замедлила шаг, и догадался, что она меня узнала, несмотря на то что на мне были потертые джинсы из ближайшего секонда и развеселенькая гавайская рубашка оттуда же... Да и в целом я производил впечатление того же придурка, что и в первый раз.

Не знаю зачем, но я поднялся и направился к ней. Она, умничка, все правильно сообразила, и по тому, как она неловко отвернула голову, было ясно, что я порядочно смутил ее. Но мне было все равно. Я хотел с ней познакомиться по-настоящему.

Я шагнул навстречу девушке и, поравнявшись с ней, пошел рядом. Окружающие нас люди подумали, что встретились хорошие знакомые, те, кто шел следом, уже были уверены, что мы просто гуляем. Так я избавил бедную девушку от осуждения окружающих, а заодно нас двоих от глупых восклицаний с обеих сторон.

Некоторое время мы шли рядом и молчали, привыкая друг к другу. Я ловил ритм ее шагов и пытался унюхать, какими духами она пользуется, но со второй задачей потерпел фиаско. По-моему, она не пользовалась ничем. Когда я почувствовал, что волна тревоги, исходившая от нее, улеглась, я посмотрел на ее профиль. Наконец-то я вспомнил, кого напомнила мне

ее внешность. Малые голландцы! Девушка с серьгой. Или девушка с письмом у окна. Стиль эпохи схвачен изумительно. Полупрозрачная кожа, пастельно-охряные волосы, нежно-розовые губы, тонкий, акварельно очерченный профиль. Ни мазка, ни черточки из того, что всегда нравилось мне в женщинах. Голландское полотно, внезапно обретшее жизнь пятьсот лет спустя.

– Мария, в прошлый раз я не сумел вам представиться, так вот: меня зовут Сергей, – я забросил голландцев и вернулся к девушке.

Она смущенно улыбнулась и кивнула. Я жестом указал ей на скамейку, и она, слегка покраснев, присела на ее край. Я примостился рядом.

– Простите меня за столь примитивный способ знакомства, но я, ей-богу, не был уверен, что, упустив вас и на этот раз, буду иметь еще один шанс на встречу.

Она снова улыбнулась и наконец посмотрела мне в глаза:

– Как вы себя чувствуете? В прошлый раз вы выглядели неважно.

– Да, скажем прямо, выглядел отвратительно. Не знаю, что я должен сказать еще из куртуазных соображений, но мне очень хочется просто на вас смотреть. Давайте я приглашу вас... да хоть в Пушкинский музей изящных искусств. Вы будете смотреть на картины, а я – на вас.

Про себя я подумал, что на билеты денег мне как раз должно хватить. Но вот на кофе... Черт, а ведь есть какой-то прикол в том, что я охмуряю девушку, имея всего тысячу рублей наличными.

– А пойдём, – согласилась она и улыбнулась. Когда она улыбалась, ее глаза излучали мягкий свет, совершенно преображавший ее бледное лицо. – Только что мы там будем делать, кроме шуток?

Я и сам не знал, ведь я еще ни разу не приглашал девушек в музей. Почему бы и нет? Не в кино же мне ее звать, тем более денег на билеты все равно не хватит. Какая-то часть меня мимолетно ужаснулась абсурдной нищете, но я не хотел думать об этом. Пока не хотел.

– Я абсолютно серьезен. Мы будем смотреть картины. Что еще можно делать в музее?

На ее лице мелькнуло легкое замешательство, и она недоверчиво взглянула на меня.

– А зачем их смотреть? Все равно ведь... – она замолчала и опустила глаза, словно я предложил ей что-то на грани флага: подглядеть за нудистами или украсть из магазина банку икры.

Я решил не вникать в ее бессознательное, поднялся и протянул ей руку. Она доверчиво вложила мне в ладонь свою, и я повел ее к метро. Турникет мы миновали по ее билету, и нырнули в подземку, где я не был уже лет пять.

Конечно, это были голландцы, хоть нет в Пушкинском «Девушки с жемчужной сережкой» Вермеера и «Камеристки» Рембрандта. Мы стояли возле «Девушки за работой», и в ее полуопущенных глазах я снова увидел Марию, а она сама тем временем куда-то ушла. Я отправился на ее поиски. Побродив по залам, я обнаружил ее возле «Мадонны» Кранаха. Мария смотрела на нее не отрываясь, я же смотрел на Марию. Вдруг она схватила меня за плечо мокрой от липкого пота рукой и стала оседать на пол, бессмысленно шевеля губами. Я подхватил ее под руку и почти донес до ближайшего стульчика, который явно не был предназначен для посетителей.

– Что, что случилось? Тебе плохо? Я огляделся в поисках какого-нибудь решения. Вдруг я ощутил на своем запястье железный захват, и, едва не взвизгнув от боли и неожиданности, обернулся на девушку.

– Все нормально, Сергей, – сказала она и поднялась со стула. – Просто мне показалось... Она выпустила мою руку, на которой остались синие отпечатки ее ногтей, и твердым шагом вдруг направилась обратно к «Мадонне с виноградом», попутно озираясь и бросая быстрые взгляды на картины вокруг. Я двинулся за ней.

Со стороны она была похожа на слепую. Или, наоборот, на человека, обретшего зрение. Она шла к полотну, и на лице ее светился почти религиозный экстаз. «Черт побери, – подумал я, – может, ей явилась Дева Мария? Может, она у нас вторая блаженная Анджела и сейчас, вернувшись домой, быстренько соорудит новое откровение?» Но Маша остановилась перед картиной и тихо сказала, ни к кому не обращаясь:

– Я не думала, что мир таков. Значит, Кловин существовала.

Она обернулась, ища меня глазами. Я подошел и встал рядом.

– Все в порядке?

Она взяла меня за руку, и в ее устремленном на меня взгляде я прочел удивление, граничащее с экстазом.

– Сережа, ты *видишь*?

– Вижу – *что*?

– Эту картину, цвет, свет, краски? Ты их ощущаешь?

– Ну, вижу. Ну и что?

– А ты когда увидел в первый раз?

– Да фиг его знает. В детстве, с рождения – не помню. Я этим пользуюсь, вот и все.

Маша смотрела на меня, как на туземного царька, уверяющего колонизатора, что нет ничего проще груды прозрачных камушков, которые он готов с выгодой для себя поменять на железную палку, из которой вылетает огонь.

– Сережа, но ведь это же невозможно! Я никогда не могла *видеть*! Мы не можем различать цвета!

– Кто «мы», солнышко? – мне стало интересно, и я почувствовал себя Ван Гогом на Таити.

– Перестань! – с досадой оборвала она меня и снова вперилась в картину.

На всякий случай я тоже еще раз заглянул туда. Молодая женщина со змеиными глазами смотрела на меня со смирением узницы, которой не откажешь в чувстве юмора. А за этим крылись боль одиночества и нежность к тому, кто так беспечно тянулся к винограду. Младенец еще не думал о том, что виноград будут претворять в Его кровь. А Она... Мадонна улыбалась, потому что ей больше ничего не оставалось, кроме слез и улыбок.

– По-моему, – осторожно заметил я, – Кранах хотел этим что-то сказать. Но красота вариативна и всегда готова превратиться в свою противоположность.

Я нежно приобнял Машу за плечи и повел в зал энкаустики. И отчего это меня всегда тянет то в Помпеи, то в Константинополь?

– Сережа, ты не понимаешь! – Маша высвободила плечи жестом ребенка, который отбивается от тупого родителя. – Произошло чудо: я *увидела* цвет!

– Постой, – я остановился. – Ты хочешь сказать, что до этого ты не различала цвета? Как дальтоник?

– Из нас никто не различает цветов – тебе ли не знать! – Маша горько усмехнулась. – Мы видим только множество неких оттенков, которые люди называют серым, ну и еще красный. Но мы видим объемно, что ли. Не могу объяснить.

– Как в черно-белом телевизоре или в тонированной фотографии?

– Ну да. Разве тебе никто не рассказывал?

– А я ни у кого и не спрашивал.

– Зато мы видим ночью. Ты же знаешь.

Это я знал: сам видел в темноте. Но, черт побери, опять это «мы». За эти два дня я уже насчитал четыре «мы». «Мы» корпорации, «мы» Анны, «мы» Эдика и, наконец, «мы» Маши – для кучи. И все почему-то как само собой разумеющееся относили это «мы» ко мне. А что, если все ошиблись и я не их? А что, если я чей-то?.. Но как мне понять чей?

Почувствовав себя в логическом тупике, я решил выяснить, кто такие «мы» Маши.

Снова взяв под руку, я повлек ее к восковым картинам. Маша сосредоточено молчала, и во взгляде, который она бросала на меня, робкое чувство восхищения мешалось с не менее робким желанием.

– Маша, я все-таки не очень понимаю, кто это «мы» и почему вы не различаете цветов. Это болезнь? Мутация, вызванная ошибкой в ДНК? А может, это барьер психики?

Маша посмотрела на меня, и в глазах ее тоска боролась с жадной расказать мне все. Но она тяжело вздохнула.

– Давай не будем об этом, ладно? Может, потом, когда все станет ясно...

«Когда все станет ясно...» – повторил я мысленно и вспомнил Эдика. Через три дня, когда сыворотка перестанет действовать, все станет ясно... «Я сошел с ума, и теперь мне все кажется», – решил я. Симптом синхронистичности⁵ – главный признак шизофрении. Все сходится со всем, и конспирологический смерч засасывает меня в свое безмятежное нутро. Я украл деньги, я потерял завещание и не помню папу. Я шизик.

– Знаешь, мой отец работает в Архиве. В том самом. И однажды, когда я была маленькой, папа принес с работы одну распечатку. В середине девяностых было модно обращаться к своим истокам и перелопачивать документы под грифом «для служебного пользования». Как ни странно, в этих бумагах не было ничего особо таинственного, никаких дат, цифр и географических названий. Всего лишь какая-то древняя легенда о некоей... женщине и о крысоловах.

– Что-то типа Гамельнского крысолова?

Маша бросила на меня быстрый взгляд и согласно кивнула.

– Ну, да. Они лежали у папы на столе, и я прочла их. Эта история так понравилась мне, что я попросила папу сделать мне копию. И папа, как ни странно, согласился. Потом, конечно, он пожалел об этом, но я сказала, что сожгла ее вместе со своим дневником, потому что там были разные такие глупости... Папа посмеялся и сказал, что ей туда и дорога. Но я сохранила ее. Ты обязательно должен это прочитать.

– Если ты думаешь, что это хоть как-то поможет мне... То обязательно. Ради тебя я готов на все!

Раньше бы я добавил: «В пределах моей кредитки», но теперь кредитка была заблокирована. Так что я просто был готов на все, так как делать все равно было нечего.

– Тогда пойдем ко мне: я отсканировала ее и могу тебе распечатать.

Грех было не воспользоваться приглашением неопытной девушки, внушающей мне столь бурные и противоречивые чувства.

– Пойдем, – отозвался я, и она потащила меня к выходу из музея. Так я и не узрел милой моему сердцу энкаустики.

Я вдруг вспомнил, как легко было ходить друг другу в гости лет пятнадцать назад, и затуманенные дымом кухоньки явились мне из небытия.

– Ну что, не передумал?

Мы вынырнули из метро «Чистые пруды» к трамвайным путям, Мария тут же взяла меня за руку и потянула к себе. Она улыбалась, другой рукой то и дело поправляя волосы, взлохмаченные ветерком. Я вдохнул в себя теплый воздух и улыбнулся ей в ответ:

– Пойдем. А родители не нагрянут? То-то они удивятся, узрев в твоих кавалерах своего ровесника. Да и видок у меня так себе.

– Не кокетничай. Живу я отдельно. Бабушка умерла, и я стала жить в ее квартире. Здесь недалеко. Поэтому я и встретилась с тобой. И тогда, и сегодня.

Мы шли, держась за руки, болтали всякую чепуху и смеялись. Хотелось мороженого и курить. Умница Маша, то ли догадавшись, то ли почувствовав что-то, сунула мне в руки тысячерублевую бумажку и попросила купить ей мороженого. Я метнулся к палатке, и вскоре мы радостно поглощали стремительно тающий пломбир. Вечерело, и тени удлинились, ложась

нам под ноги и превращая любые линии в падающие шпильки готических соборов. Скандально гудели машины, запрудившие бульвар в тщетной попытке вырваться из его замкнутого кольца. Я положил руку Маше на плечо и ощутил, как она неуволимо подалась ко мне, словно стараясь прижаться каждым миллиметром своего тела.

Непонятная тоска зашевелилась у меня под ребрами, и я невольно оглянулся вокруг. За что, за что, черт побери, я так ненавижу и люблю этот проклятый город? За то, что здесь прошла моя жизнь? За то, что в нем мне невыносимо везло? За то, что я потерял здесь все? Или за его вонь, грохот и визг, за толпы, задевающие меня за плечи, и за жажду купить весь мир, мучающую меня, когда в сумерках я выхожу на улицу? Или за встречу с этой девушкой, беспомощной в своей искренней попытке счастливо прожить эту короткую и грубую жизнь?

Голуби садились мне прямо под ноги, Маша молчала, и я чувствовал, что она счастлива от того, что встретила и полюбила. Ее детское счастье пьянило меня, и мне нравилось быть с ней, потому что на ее неопытных губах я ощутил вкус утерянного детства. И мне нравилось трогать пальцами инструмент ее души, извлекая из него чудную и неповторимую музыку. Азарт музыканта? Или игрока?

Вдруг я вспомнил, как шел по этому бульвару с Эдиком. Деревья тогда были выше, небо чище, а я в тысячу раз счастливее. Тогда впереди была целая вечность.

Я вздохнул, остановился и поцеловал Машу в губы. Она вздрогнула, и я почувствовал, что ее плечи тают под моими руками. Несколько раз она неловко пыталась освободиться, но я держал ее, и каждый раз она покорно сдавалась. Я отпустил ее только тогда, когда боль от утраченного навеки истекла из моего сердца и всосалась в нее. Как там говорил Печорин? «Может быть, ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...»

Уже в полутемной прихожей я поймал ее руку и, развернув к себе, посмотрел ей в глаза. Что я ожидал в них увидеть? Бог знает. Но почему-то я решил ей сказать и очень хотел, чтобы она меня услышала.

– Маш, я взрослый мужик, и мне бы не хотелось, чтобы наши посиделки закончились липкими поцелуями, плавно переходящими в попытку изнасилования. Если ты не настроена на секс, лучше я пойду, потому что...

Маша прыснула со смеху и покраснела.

– Знаю, знаю, – пробормотала она. – У вас там потом долго что-то болит от перевозбуждения. Я читала.

– М-да, плоды просвещения, так сказать, – я почесал переносицу. – Ну, так я пошел.

Маша посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнуло нечто такое, чего я никогда ранее не видел.

– Мне бы хотелось, чтобы ты остался, – тихо сказала она и дотронулась до моего плеча.

Я посмотрел ей в глаза, заметил напряженно прикушенную губу. Это решительно звучало как приглашение к... и я остался.

По всей видимости, тут-то мне и надо было снова ее обнять и поцеловать, но мне не хотелось делать этого из ритуальных соображений. Я устал от сексуальных игр, и коли судьбе было угодно лишить меня вспомоществования, то и я в отместку решил позволить хотя бы в отношениях с женщинами вести себя так, как мне хочется. (В рамках приличий, разумеется. Надеюсь, до веревки и банки с вазелином моя простота меня не доведет.)

Квартира в Трехсвятительском переулке была небольшой, но с высокими лепными потолками. Обитель дореволюционного холостяка средней руки с кельей для прислуги, превратившейся в часть кухни. Я прошел за Машей туда. Интересно, почему у нас в стране гостей в первую очередь ведут на кухню? Голодные годы научили выражать свою симпатию к человеку через желание его накормить, то есть поддержать самым доступным способом? Или гостиная из-за тесноты давно превратилась в спальню, куда абы кого не позовешь?

За годы решения квартирного вопроса перебравшиеся в Москву крестьяне, презрительно именуемые лимитой, привезли сюда и тенденцию превращать любое жилье в избу с красным углом и полатами. Так нынешние гастарбайторы, повсеместно производящие ремонты и отделку, привозят из своих аулов и кишлаков неискоренимую никакой канализацией и лифтами тоску по родным обычаям, выражающуюся в том, что они моментально загаживают каким-то тряпьем, матрасами и закопченными кастрюльками любую жилплощадь от квартиры с видом на Кремль до подземных гаражей, во время строительства превращенных ими в общежитие. И всегда у них лампочка криво висит на оголенном проводе, и всегда плитка стоит на полу, и стульями они пользуются как вешалкой, если, конечно, моментально не сжигают их в походных мангалах. И этот вездесущий запах нерусского пота и бараньего сала...

– Чай, кофе, потанцуем? – Маша стояла у шкафчика и не таясь разглядывала меня.

Я ей нравился, я ей чертовски нравился, потому что я был прекрасен. Я даже не помню, чтобы я кому-нибудь не нравился. Мои глаза, то нежные, как лазурная бухта, то темные как чернила. Мое тело, отработанное на тренажерах до последней мышцы в голеностопном суставе. Мой загар, мой профиль, наконец! О, женщины, как вы примитивны. Что может быть скучнее, чем ваша бесхитростная попытка пожить надеждой, любовью и деньгами за счет мужчин? Нет, лично ничего не имею против. Даже наоборот. Но что чувствую к ним я? Возбуждение из-за переполненного семенного пузырька? Желание спрятаться в ваших персях от грядущего небытия? Наслаждение линией безукоризненного бедра или наивной радостью души, жаждущей навсегда остаться юной принцессой? Да, все они мне, безусловно, нравились, особенно по весне, когда враз нацепляют на себя коротенькие юбочки, несмотря на пощипывающий за коленки морозец, и под Новый год, когда в каждую из них, даже в многопудовую тетку из автобуса, что-то вселяется и глаза их начинают сумасшедше поблескивать в ожидании чуда. Но я никогда не пробовал женщины, которая была бы смыслом и целью жизни. Ой... Вспомнил! Я же второй день не в курсе смысла моей жизни, а тем более целей, кроме одной навязанной – поиска мифического завещания. Посему, не имея своих и не владея эмпирическими выводами, не смею более подвергать анализу цели других.

– Сергей, что пить будешь? Или ты хочешь есть?

Я хотел ее, но говорить из деликатности об этом не стал.

– Кофе, если можно. Натуральный. Только не вари в турке, а залей кипятком в чашке.

– Первый раз вижу мужчину, который пьет кофе по-польски. У тебя жидов или ляхов в роду не было?

– Ого, нынешняя молодежь знает такие слова?

– Гоголя, между прочим, пока еще в школе проходят.

Она принялась за кофе, а я в который раз принялся разглядывать ее фигуру. Что же, черт побери, в ней такое? Невысокая, правда с длинными стройными ногами, бедра и грудь, на мой вкус, полноваты, шея не очень-то и длинная, ручки маленькие без всяких там педикюров и пальцев пианистки, волосы... Маловато их, на мой вкус. Мне всегда нравились такие гривастые швабры под метр восемьдесят, с точеными носами и огромными глазами. Ну, такие, стандартные... Как Анна, например. Да и педофилом я не был. Зачем мне дурочки моложе двадцати? Я люблю женщин, законченных как полотно. Без всяких там набросков и недоумений. Стерва, любит деньги (я их тоже люблю), в меру эгоистична, без поисков себя, без комплексов, читающая хотя бы то, что в платном списке бестселлеров публикуют в журнальных рейтингах.

Маша поставила передо мной кофе, покрытый плотной коркой заваривающейся гущи, и положила новую пачку «Парламента».

– Я подумала, что у тебя непременно закончатся сигареты. У всех мужчин не вовремя кончаются сигареты. Хотя мне всегда казалось, что такой, как ты, не должен курить. Но ты куришь, и мне нравится смотреть на тебя.

– И много было мужчин?

– Каких?

– Ты сказала: «У ВСЕХ мужчин кончаются сигареты».

– У которых кончались – много. А так – нет.

Она приблизилась ко мне, и перед моими глазами очутилась тонкая полоска ее обнаженной кожи, там где майка не доходила до ремня джинсов. Невольно я попытался уловить ее запах и втянул в себя воздух. Она едва коснулась моих волос и тут же убрала руку. Я чувствовал, что она напряжена до предела, и это возбуждало меня.

– Я пойду в душ первая. Я быстренько. А ты пока допивай кофе. Она проскользнула мимо меня из кухни, а я немного ошарашено посмотрел ей вслед. Романтика в духе японского минимализма.

Когда я вышел из душа, прикрыв срамоту полотенцем, Маша уже сидела в халате на узенькой тахте. Я видел, что она смущена, но и мне, признаться, было не легче. Отчего-то я чувствовал себя студентом, который в первый раз решил заняться сексом с малознакомой однокурсницей.

Я осторожно присел рядом, обнял ее за плечи и прижал к себе. Халат был очень тоненький, из дешевой подделки под шелк, и мне захотелось подарить ей самый дорогой и роскошный, только бы она улыбалась. Сквозь ткань я ощущал тепло ее тела, и она доверчиво прижалась щекой к моей руке и быстро поцеловала ее.

– Сережа...

– Да?

– Обещай мне, что мы останемся людьми.

– В каком смысле?

– Что мы не превратимся ни до, ни во время, ни после.

– В кого? В медведя? ⁶ Ну, за «после» я не ручаюсь, «после» – понятие математически бесконечное. Но сейчас я точно не собираюсь превращаться.

Бог знает, что на уме у этих девушек, но отчего бы не сделать ей приятное?

– Тем более если ты про маньяков, то я, в натуре, не маньяк.

Она хихикнула и снова поцеловала меня в руку, а я в ответ чмокнул ее в макушку. Мы сидели обнявшись и я, слушая ее дыхание, думал, что мне давно не было так легко. Моя рука сама собой медленно и нежно поползла к ее груди, слишком великоватой, на мой недавний вкус, и, когда рука моя доползла, я осознал, что всегда ошибался. Я потянулся к ее губам и очень медленно опрокинул ее на подушки.

– Знаешь, Сережа, а ведь ты мой первый...

Ну, почему, скажите, все самое неожиданное женщины сообщают в постели, да еще когда ты и так не в себе из-за многогранности процесса?

Я на секунду замер, а потом зажал ей рот своими губами и лег на нее...

Она вскочила и смущенно оглянулась в поисках одежды. Увидела свой халатик и потянулась, чтобы достать его. И тогда я увидел, как по внутренней стороне ее бедра бежит очень тоненькая струйка алой крови. И я почувствовал, что ей очень больно. Перехватив мой взгляд, она покраснела и, быстро запахнувшись, убежала в ванную. Я оглядел простыню и увидел расплывшееся розоватое пятно. Я откинулся на подушки и уставился в распахнутое окно, сквозь которое в комнату летел тополиный пух и слабо доносился рев машин.

Но уже через несколько мгновений я вскочил и, накинув на себя простыню, дабы пощадить ее стыдливость, как придурок поволокся к ней в ванную. Я немедленно хотел ее, хотел, чтобы удостовериться, чтобы закрепить, чтобы еще раз почувствовать...

Когда я вошел, она стояла в ванной и вытиралась, накинув на плечи полотенце.

– Тебе нельзя...

Но я не дал ей договорить. Я зажал ей рот поцелуем, поднял ее на руки и снова запихнул в душ, судорожно отыскивая вентиль с горячей водой. Если бы я был у себя дома... Сначала на голову нам обрушился поток ледяной воды, потом кипятка. Она спрятала лицо у меня на груди и, повизгивая, как щенок, смеялась. Наконец нужная температура была поймана и я, выдавив на ладонь гель для душа, велел ей сесть на край ванны. Она снова покраснела, чем довела меня до экстаза, и тут... Тут меня снова накрыло.

Я рухнул на четвереньки прямо в ванной, и с меня градом покатился ледяной пот. Страшная судорога скрутила мышцы, и от ужаса, что Маша станет свидетелем моего приступа, мне стало совсем фигово.

– Уйди, – простонал я. – Уйди, пожалуйста.

– Я знаю, Сереженька, не бойся, – прошептала она в ответ. – Ты не волнуйся, я тебе помогу. Ты просто забыл, что нам нельзя так много воды. Начинается отторжение. Я и сама...

– Нам? – превозмогая адскую боль, я попытался хоть что-то понять. – Какое отторжение, что сама... – последние слова затопила тягучая слюна, хлынувшая у меня изо рта...

– Ты не разговаривай, а то язык прикусишь. У тебя давно этого не было? Я помогу тебе... Сереженька, я люблю тебя, я всегда знала, что встречу тебя. Видишь, мы с тобой смогли как люди, а теперь уже ничего не важно. Значит, мы любим друг друга... Последние слова ее потонули в кошмарной спирали боли, стянувшей мое тело. Мне казалось, что кости мои протыкают мышцы и вылезают наружу, а какая-то страшная центростремительная сила стягивает мои внутренности в один ком, лишает меня мозга, света, души...

Когда я очнулся, то чуть не заорал от ужаса. Может быть, даже и заорал, потому что я ничего не видел и не понимал. Все было другое. Серое, громкое и враждебное. Маша была рядом: я чувствовал это, но не видел ее.

– Маша, – позвал я, но вместо слов из моего горла вырвался... звук.

Тут я разглядел рядом с собой какую-то огромную тварь и потерял сознание.

Я очнулся все в той же ванной. Моя голова покоилась на заботливо подложенном полотенце, а сам я был укрыт пледом. Болело все тело, во рту пересохло и явственно ощущался вкус крови. Судя по всему, я здорово прикусил себе губу и пару раз обо что-то приложился головой. По крайней мере, она болела и перед глазами все плыло.

Я попытался встать, но мышцы подвели меня и я с грохотом повалился обратно, при этом стукнувшись копчиком о дно ванной. Видимо, выругался я достаточно громко, потому что через пару секунд вбежала Маша.

– ...Мужчины почти ничем не отличаются от людей, только волосы на теле почти не растут, а у женщин они растут еще меньше, – Маша рассказывала, пристально разглядывая раковину. – И на голове, и... там, – Маша покраснела. – Мог и сам заметить. Поэтому у меня такие жидкие, прямо-таки крысиные волосики, – она провела по своей голове и улыбнулась. – Тебе что, об этом родители не рассказывали?

Хм, родители... Мама? Мама, как выясняется, мне вообще ничего не рассказывала. Но шок был слишком силен.

К концу нашего второго и моего четвертого дня кончилась еда, и нужно было идти в магазин. Мы снова торчали на кухне, и Маша, стоя на табуретке, пыталась найти на верхней полке кухонного шкафчика кофе или сахар.

– Может, завалюсь что-нибудь, – оптимистично предположила она и полезла наверх греметь жестяными банками прошлого века с надписью «Riga». В одной из банок нашлась горсть фасоли, а в другой – остатки риса.

– Ума не приложу, кто и когда это ел? – искренне удивилась она. – Должно быть, бабушка. Да и бабушка не ела... Если только...

– Маш, у меня денег нет, – сказал я разбитным тенорком усталого альфонса.

– А почему? У нас деньги всегда есть. Куда они делись? – искренне удивилась Маша.

– Меня разорили и выкинули на улицу.

– Так не бывает, – сказала Маша, заглядывая в очередную банку. – Люди так не делают. Ведь семья этого не позволит.

– Маш, если я тут сижу, значит, бывает.

– То есть если бы у тебя были деньги, ты бы тут не сидел? – Маша обернулась ко мне, готовая быстро и продуктивно обидеться.

– Нет. Я хочу сказать, что у меня действительно нет денег, потому что меня подставили.

– А куда смотрит семья? – Маша возмущенно лязгнула жестянкой, и вдруг прижала крышку ко рту. – Ой, тебя что, выгнали из семьи? – Она изменилась в лице. – Сережа, тебя выгнали из семьи?

– Маша, ты хоть фамилию мою знаешь?

– Нет, а...

– Зовут меня Сергей Георгиевич, а фамилия моя Чернов. Я бывший Председатель совета директоров нефтегазового концерна «Нефть».

– Так ты что, – под запретом?.. – Маша дико посмотрела на меня и схватилась свободной рукой за горло.

– Наверное, да, – знать бы еще что это такое. – А что?

– Значит, я попала, – Маша машинально слезла со стула, прижимая к груди банку, и подошла ко мне.

– Сергей Чернов, значит. Значит, это именно тебя я ждала всю жизнь, – из ее застывших глаз выкатилась одинокая слеза.

– Бред какой-то. Кого ты ждала?! – я встал и пошел к дверям. Внезапная волна раздражения подступила к моему горлу.

– Сережа, не вздумай выходить! Это для тебя смертельно... – закричала Маша, но я уже закрыл за собой дверь. Хотелось есть и спать. Не хотелось ничего знать ни о странных приступах, ни о загадочных рукописях, ни о запретах. Хотелось рационально думать, тщательно пережевывать пищу и методично сношаться с выдержанными женщинами. Хотелось денег. Хотелось в машину. Хотелось домой. Я уже почти ненавидел Машу за то, что только пять минут назад почти любил ее.

– Сережа! Пожалуйста, я прошу тебя... – Маша, перегнувшись через перила, кричала мне вслед, но я не собирался откликаться.

В конце концов, стать созерцателем собственной жизни – значит уберечь себя от страданий. Но, только страдая, мы живем. Не значит ли это, что, избегая страданий, мы перестаем жить?

Я осознал, что спускаюсь пешком, только через пару лестничных пролетов. Сквозь пыльные, давно не мытые стекла яростно пыталось пробиться солнце. Рубашка на спине моментально взмокла, и я впервые задумался о том, а куда, собственно, я иду? Назад к Анне? К бомжам на скамейку? Извиняться к Маше?

Я толкнул тяжелую дверь парадной и вышел на залитый солнцем московский дворик. В лицо мне пыхнуло жаром, яростной вонью раскаленных выхлопных газов и разогретыми щами из открытого окошка на первом этаже. Нащупав в кармане несколько бумажных купюр – сдачи от Машиного мороженого, я двинулся в сторону метро.

Глава 5

Кловин. Встреча

Да будет нижеследующее правдивое повествование в назидание не только пишущему историю со слов того, кто услышал ее от очевидцев и сохранил в памяти свидетельства, но и остальным потомкам Адама и Евы, дабы помнили о том, какую великую милость – свободу – они получили в дар от Создателя и как неразумно ею воспользовались.

...Женщина стояла под крепостной стеной и глотала пыль, летящую из-под колес и копыт.

Свалявшиеся волосы, черные круги под глазами, замазанные румянами щеки и подведенные кармином губы. Неподалеку визгливо смеялись и переругивались проститутки, такие же как и она, выползшие к закрытию городских ворот. Женщина шарила глазами по лицам наемников, сопровождавших до города обоз и прямо у ворот получивших плату, пытаясь угадать более щедрого. Может быть, ей повезет и она заработает пару монет на ужин и гостиницу. Ей многого не надо: угол потемнее и возможность побыть одной в этот дерьмовом Бремене, провонявшем мочой и навозом. Раньше она не замечала, что люди и их жилища могут так вонять, но знания, как известно, приходят с опытом...

Один из мужчин осадил лошадь прямо перед ее носом. Лошадь всхрапнула, женщина легко отпрыгнула в сторону, чтобы не оказаться под копытами. Мужчина крикнул что-то, но из-за скрипа телег, воплей торговков и рева загоняемого на ночь с пастбищ скота слов было не разобрать. Женщина, решив, что ее догадка верна, взяла лошадь под уздцы и повела ее в сторону трактира, но мужчина, дернув поводья, развернул лошадь налево, в боковую улочку, такую тесную, что даже пресловутое страсбургское копье, которым меряют проходы, неминуемо застряло бы среди почерневших от грязи и грибка бревенчатых стен. Вскоре они оказались в заваленном мусором тупике, прозывавшемся среди наблюдательных горожан Скверной дырой. Здесь воняло прокисшими кожами и тухлятиной, поскольку Дыра соседствовала с цеховой улочкой кожевников, о чем и оповещала жестяная размалеванная вывеска в форме коровьей шкуры. Гнилые кожи, сваленные в кучу прямо у черного входа одного из домов, нещадно смердели, из негодных ящиков вываливались останки рваной упряжи, тряпье и прочая гадость. Каменная мостовая по щиколотку утопала в помоях, потоками хлещущих поверх деревянных мостков, переброшенных между постройками. Мужчина, откинув серый плащ, подбитый волчьим мехом, спрыгнул с лошади, но, покачнувшись, прислонился к стене. Несколько секунд стоял, собираясь с силами, а потом жестом показал спутнице на дверь, призывая ее на помощь. Лошадь, сооротив флегматичную морду, осталась на улице, мотая поводьями, ведь раззява-хозяин даже не удосужился привязать ее. Неужели он надеется найти ее на том же месте?

В вольном городе Бремене за воровство били плетью, ставили на лоб клеймо и высаживали в колодках на площади на всеобщее обозрение. В Бремене воровали мало, и только наемники-ландскнехты, которые тут же пропивали краденое в местных кабаках. На рынках, конечно, промышляли бродяги, но местный судья славился своей жестокостью, а посему бродяги уходили в другие города, рассказывая друг другу утешительные байки про торговый город Гамбург или хлебный город Ганновер.

Так что, может быть, голодная лошадь и дождетя своего хозяина, если не убредет куда-нибудь в поисках воды и овса.

Спустившись по каменным ступенькам, мужчина, тяжело опираясь на плечо своей спутницы, попал в огромное полуподвальное помещение с земляным полом, в глубине которого в сложенном из камней очаге пылал огонь. Обычно в зажиточных домах здесь хранили сундуки с товаром, размещали счетные конторы да мастерские. Но в этом доме все было не так. Пройдя несколько шагов, незнакомец едва не упал на высокое, прозванное в народе епископским, кресло, стоявшее рядом с огнем, и случайная помощница отстегнула ему от пояса короткий меч, а затем налила вина из бутылки, стоящей на столе. Исподтишка женщина рассматривала того, с кем ей придется делить постель: римский нос, тонкие лживые губы, властный подбородок человека, привыкшего потакать всем своим прихотям. Он перехватил ее взгляд и, отпивая из кружки, впервые с тех пор, как едва не сшиб ее, открыл рот:

– Твои сородичи здорово потрепали меня на этот раз, Кловин.

Женщина пошатнулась. Произнесенное имя означало для нее только одно: весьма скорую смерть. Или то, что во все времена было хуже смерти: мучительные пытки во имя знания – той индульгенции, которую каждый безумец, жаждущий власти, выписывает самому себе не хуже папы римского.

– Крысиный Двор застрял в Кельне, Кловин. Мужчина повторил ее имя угрожающим тоном главы Святого трибунала, поднаторевшего в делах скорбных где-нибудь между Толедо и Саламанкой.

Женщина с усилием сглотнула слюну, на худой шее ее, торчавшей из выреза засаленной нижней рубахи, проступила голубая нитка вены.

– Я думаю, ты уже обо всем догадалась, – мужчина, тяжело повернувшись в кресле, вытащил из-под кожного нагрудника завернутый в кусок сукна длинный предмет и положил его на стол. – Ты знаешь, что это такое?

Женщина судорожно кивнула и прижала сцепленные руки к груди.

– Хочешь взглянуть поближе?

Она замотала головой и попятилась.

– Давай, не трусь. Я не знаю, какие сказки тебе рассказывали, но сама по себе она не опасна. Посмотри, посмотри, дурочка.

Просьба в его устах звучала как приказ. Не имея сил отказаться и возможности убежать, женщина, преодолевая страх, протянула руку, но, едва дотронувшись до свертка, тут же отдернула ее.

Мужчина рассмеялся.

Женщина выпрямила спину и посмотрела насмешнику в глаза. Лицо ее на мгновение преобразилось, и сквозь маску существа, измученного голодом, усталостью и вечным страхом, проступили совсем иные черты. Усмешка тронула обветренные губы, она протянула руку, взяла сверток и отбросила сукно. В длинных немых пальцах с обломанными ногтями оказалась серебряная дудка. Женщина оглядела ее, кинула на мужчину взгляд, полный презрения и, поднеся инструмент к губам, дунула в него.

Дудка издала мерзкий свист. Женщина вздрогнула, но усилием воли удержалась и не отшвырнула инструмент. Ее пальцы наперекор инстинкту намертво вцепились в металл.

Мужчина не сводил с нее удивленного взгляда.

– Ну что, ты доволен? – женщина царственным жестом положила инструмент на стол, наступив дырявым башмаком на красное сукно.

– Да. Теперь я точно знаю, что не спутал тебя с другой подобной тебе тварью. Только у *видящей* достало бы смелости сделать это, и только у дочери короля может быть такой взгляд. Я поймал тебя, Кловин, и ты принесешь мне удачу.

– Никогда и никому я не приносила удачи, дудочник. А твоей Гильдии – тем более.

– Меня зовут Рэндальф, мастер Гильдии Крысоловов из Кельна, и ты достойна знать имя охотника, поймавшего тебя.

– А меня, как ты догадался, зовут принцесса Кловин, старшая дочь Короля из Кельна.

– Теперь, когда мы, хоть это и противно этикету, представились друг другу, позвольте пригласить ваше высочество отужинать со мной.

Кловин кивнула и, пройдя к другому концу стола, села на такой же стул с высокой спинкой, увенчанный вырезанной из дуба рукой, сжимающей в кулаке нечто схожее с гусиным яйцом.

Охотник взял со стола бронзовый колокольчик и позвонил, вызывая прислугу.

Через несколько минут в двери боком протиснулась толстая краснолицая баба в чепце, похожем на крылья ветряной мельницы, и тяжело плюхнула на стол огромное блюдо с бараньими ногами, приправленными шафраном, да кабаньим мясом с изюмом и сливами. Дудочник кивнул ей, и она разлила по оловянным кубкам подогретое вино с пряностями, по вкусу больше напоминающее микстуру, чем перебродивший виноградный сок.

Повинуясь жесту хозяина, баба недовольно шмыгнула носом в сторону отвратительного платья гостя и удалилась, фырканьем выражая презрение.

Мужчина орудовал столовым ножом, как клинком, ловко отрезая куски для себя и своей пленницы и щедро макая их в перцовую подливку.

Тарелки они просто швыряли друг другу через весь стол, так как от прислуги мастер отказался, а достоинство пленницы не позволяло ей встать.

Глядя в глаза охотнику, женщина, не морщась, поглощала пряное мясо с такой скоростью, словно во рту у нее был двойной ряд зубов. Только покрасневший кончик ее орлиного носа выдавал, что блюдо слишком щедро приправлено заморскими специями. Иногда она помогала себе руками, отчего мужчине мерещились острые когти на ее пальцах. Она ловко отрывала ими мясо от костей там, где не могла вырвать его зубами. С ее кривящегося рта не сходила усмешка. С той же усмешкой она опрокинула в себя кубок с имбирно-гвоздичной настойкой, которую прозывали кипрским вином. Ее высокие скулы зарумянились, а в чуть раскосых черных глазах заплясали красные огоньки – то ли огонь искрился в них, то ли они светились своим собственным звериным светом.

Мастер с тайным удивлением смотрел, как она ест: много подобных тварей он переловил, еще больше – просто убил, но никогда не видел ни одну из них в Доме Крысоловов так близко. Тем более не видел, как они едят.

– В Гильдии ходят слухи, что тебе подобные не выносят вина, потому что оно преобразуется в Кровь Господню, и боятся запаха перца, потому что он сжигает внутренности.

– Возможно, так оно и есть, – сипло сказала женщина, отшвыривая обглоданную до блеска берцовую кость барашка. Кости поменьше она просто съедала. – Но я слишком долго живу среди подобных тебе, – на этих словах она сделала ударение, – и не могла не подцепить ваши дурные привычки.

– Что ты сделаешь, чтобы я сохранил тебе жизнь? – мужчина невольно подался вперед – больше, чем следовало бы при подобных обстоятельствах.

– Да все что угодно! Убью, солгу, пересплю с тобой, и, что важнее для тебя, по любви! – женщина, закинув голову, расхохоталась. Ее рыжие дурно расчесанные волосы рассыпались по худым плечам. Но удушливый кашель вдруг сотряс ее тело, и она так резко наклонилась вперед, борясь с ним, что с размаху треснула лбом о дубовую столешницу. – По крайней мере, – выплюнула она слова вместе с сиплым дыханием, – это даст тебе шанс стать магистром и занять наконец уже два года пустующее место. А то вы, по слухам, перегрызлись за него, как бродячие псы за объедки.

От удара на ее лбу вздулся рубец.

– Если, конечно, у тебя все получится, – и она снова захохотала, давясь и хрипя. На губах ее выступила кровь, и она утерла ее подолом платья. – Если не получится, просто убью тебя. Твоя смерть значит не меньше.

Мужчина тяжело поднялся с кресла и, приблизившись, подал ей кувшин с водой.

– Ты уверена, что сможешь?

– Что смогу? – в глазах женщины горели красные точки. – Пить или спать с людьми? К слову сказать, я могу нести в себе черную смерть.

– Нет. От чумы выдохнете за сутки: вдвое быстрее нас.

Мужчина и сам не был уверен в том, что говорил. Перед глазами его мелькнули окровавленные мордочки разлагающихся тварей.

– Черная смерть слишком простой выход для меня. Я же говорю: я невезучая. Женщина постепенно приходила в себя. Кашель ее стих, дыхание стало более ровным, как будто кто-то заткнул дыру в дырявом кузнечном меху.

– Знаешь, о чем я думаю сейчас?

– Как удрать?

– Я вспоминаю все с того самого дня, когда сбежала из ямы Гильдии. О, Бьянка тогда постаралась, чтобы я сгинула у вас навсегда. Да, в отличие от нее я *видящая*, но разве за это у нас убивают? Толку от этого никакого, но я помню лицо сестры в тот момент, когда она узнала, что я *вижу*. Какая черная зависть исказила ее мордашку, с какой злобой она схватилась за кошель с монетами, словно в нем заключалась ее последняя надежда... – женщина отпила из кубка и вытерла рот рукой.

Мужчина стоял рядом с женщиной и молчал. Потом взял ее за руку и повел в спальню.

Глава 6

На Пречистенке

Выйдя на улицу из станции «Арбатская», я задумчиво побрел в сторону своего дома. Я сам не знал, что со мной, но мне мучительно хотелось одного: с каким-то мазохистским сладострастием взглянуть в окна своей бывшей квартиры. Солнце уже катилось за крыши, у зданий появились тени, а поток менеджеров, стойко сопротивлявшихся кризису в борьбе за бонусы и рабочие места, вяло струился к раскаленным за день машинам, обтекал ларьки с сигаретами и, мешаясь с запахами выпечки и гнили, проваливался в подземные переходы. Я так давно не ходил пешком, что уже начал забывать о множестве мелочей, которыми чреват путь пешехода к себе домой.

Солнце лениво дожаривало мой лишенный автомобиля затылок, туфли на тонкой кожаной подошве болезненно натыкались на очень острые камушки, вялый потный ветерок швырял в лицо тучи мелкодисперсной пыли. А вот и он: мой парадный подъезд.

Вау! А это же мой красавчик «Майбах», тускло мерцающая совершенными линиями бедер и соблазнительно вместительным задом, расслабленно греется на солнышке возле самых дверей. Кто оседлал ныне твою могучую... м-да. Кто ныне твердой рукой правит твоим рулем, направляя стремительный бег мощного двигателя к различным благам цивилизации, от прохладного офиса до затемненного ресторана? Кто наслаждается ныне...

В этот момент водительская дверка «Майбаха» распахнулась и на голубой асфальт ступила изящная мужская туфля. Почти такая же изящная, как и моя. Следом показалась голова, которая обернулась в мою сторону и голосом милого Эдика весело прокричала:

– Ну, что, Серый? Соскучился по дому? Айда к тебе кофе пить. Поиграли в разведчиков, и будет.

Пальцы Эдика с силой хирургического зажима прищемили мое плечо, и он повлек меня за собой в мой собственный (ах, простите!) дом.

Как только двери в подъезд захлопнулись, меня окружила спасительная прохлада. Новенький лифт, оборудованный на средства уставших от совка жильцов, подмигнул мне хромированными кнопками, и мы двинулись вверх медленно и неуклонно, как сонная пуля.

– Не напрягайся, Серега. Я тебя опять простил.

– Да я не злопамятный... А что, я тебя опять обидел?

Эдичка хмыкнул, и я снова подивился средиземноморской белизне его зубов и смуглости гладких, как маслина, щек.

– Ты дал мне в нос, помнишь? Там, в этой загаженной квартире.

Я с наслаждением оглядел его безукоризненную фигуру и втянул в себя его запах. Эдичка пах чем-то до боли родным, знакомым, правильным. Я почему-то вспомнил, как матушка пару раз в год водила меня куда-то на медосмотр. В этой закрытой, по всей видимости какой-то ведомственной, поликлинике пахло чем-то похожим: озоном, влажными тропическими растениями и чистотой с неуловимым оттенком неорганической химии. А на первом этаже к этим запахам добавлялся еще тонкий аромат коньяка и кофе из бара для посетителей или персонала. Эдик смотрел мне в лицо, и его выразительные глаза излучали какую-то странную смесь чувств. Мне даже показалось, что он по мне соскучился. На мгновение мне стало привычно хорошо.

Эдик открыл двери моей связкой ключей и небрежно швырнул ее на комод – туда, куда я сам ее обычно швырял. В этом жесте, в том, что он не засунул ее себе в карман, было что-то приглашающее и даже что-то обнадеживающее – как будто из кармана судьбы выглянул краешек уже подписанной индульгенции.

– Располагайся! – хором произнесли мы с ним, глядя друг на друга и одинаково обводя хоромы рукой. Потом так же одинаково рассмеялись. Все-таки пара-тройка десятилетий беспрерывного общения накладывает на человека некий кармический отпечаток.

Едва не столкнувшись в дверях, мы пропихнулись в кухню, и тут я на правах гостя повалился на стул, а Эдик включил кофемашину.

Неловкая пауза кисейной дымкой повисла между нами, но я не выдержал первым.

– Можно я приму душ?

– Да-да, конечно, – пробормотал Эдик, играя роль хозяина, но в ту же секунду вскинул голову и, как-то странно просмотрев на меня, отчетливо произнес:

– Душ в такую жару? А ты не боишься, что..?

– Что? – но в следующий момент я уже вспомнил, как недавно мылся. – Нет, а что? Воды горячей нет? – я улыбнулся своему «бойфренду» и направился в ванную.

Халат висел на крючочке, бритва заряжалась, щетка торчала из стаканчика. Судя по всему, прислуга тоже не прерывала визитов. Да и по какой причине, собственно, ей прерывать? Все же оплачено. Я присел на край своей пошлой джакузи и с ужасом осознал, что боюсь лезть под воду.

Меня здесь ждали. Все правильно, отпущенный мне третий день был вчера и четвертый уже клонился к закату. Не значит ли это, что игры закончились и теперь меня спросят со всей ответственностью: с кем ты, товарищ? Вот они – моя привычная жизнь и мои вещи. Даже Маша, и та – отсюда. Они почти уверены, что я... нет, не могу. Что я не вполне человек, как и они сами. Боже, какой бред. Я повернул кран, и в ванну потекла вода. Внутренне я содрогнулся: всегда есть шанс повторить опыт еще раз. Потому что я им не верю, как не верю и ей. И будь что будет.

Я повернул кран до упора, закрыл сливное отверстие, включил душ и сбросил с себя одежду.

Сквозь шум воды я услышал встревоженный голос Эдика:

– Серега, ты как? Слышишь, Серый?

Из садистских побуждений мне захотелось застонать или промолчать в ответ, но потом я пожалел дверь, которую наверняка выбьют те, кто ждет Эдика внизу. Или вверху, или сбоку. Поэтому я заорал:

– Все о-кей! Сто лет не мылся! Подожди, сейчас буду.

Я сидел на дне акриловой миски, напичканной электроникой, и, глядя на бурлящую вокруг меня воду, ждал знакомых симптомов. Но не чувствовал ничего, кроме приятных ощущений от свежей воды и покалывающих кожу пузырьков. Иногда переговаривался с Эдиком. Больше получаса я не выдержал. Вымыл голову, побрился, почистил зубы и, накинув на плечи халат, вышел на кухню. Эдик в рубашке с засученными рукавами нервно курил, глядя в окно. Из динамиков сочился блюз.

– Ну, как? – вопрос прозвучал глупо, и, поняв это, Эд нервно хмыкнул.

– Полный улет, – ответил я и потянулся за кофе.

«Вот суки, – думал я, стоя к Эдику спиной. – Это что же надо было сделать с моими мозгами, чтобы меня так заглобило? Delirium tremens⁷, блин. И Маша... Черт побери, это нереально. А Анна со своими разговорчиками и примочками? Черт, черт, черт. Хоть бы кто объяснил, что происходит и на кой я им всем сдался».

– Скажи, Эд, ты так и ждал меня все это время в машине или это случай свел нас?

– Если тебе так легче, считай, что случай. Надеюсь, пребывание у этих... у Анны пошло тебе на пользу? Тебя наконец просветили?

– О чем ты, Эд? – про себя я отметил, что о Маше они, кажется, пока ничего не знают или делают вид, что не знают. А просветила-то меня она, если это можно так назвать.

– Да все о том же. Надеюсь, ты намек понял и понял, что теперь твоя жизнь в полном смысле слова зависит от того, с кем ты – с ними или с нами. Я вообще, если честно, не очень понимаю, почему ты, вместо того чтобы помочь своим, ломаешь эту нелепую и бессмысленную комедию. Неужели ты хочешь передать нашим (он, этот матерый человечик, так и сказал: «нашим») врагам все наработки твоего отца!?

– Стоп, а вот с этого места поподробнее.

Эдик мучительно застонал и опустился на стул.

– Опять?

– Эдик, пожалуйста, послушай меня, – я поднялся и, подойдя к нему вплотную, прошептал ему прямо в ухо:

– Я действительно ничего не знаю. И меня вчера здорово глюкануло. И если ты еще не забыл нашей дружбы, помоги мне. Я прошу тебя. Потом я выпрямился и произнес:

– А давай-ка мы с тобой прогуляемся пешочком по вечерней столице.

Эдик быстро кивнул.

А я прошел в спальню одеваться.

Мы шли дворами, напрямик, как когда-то в детстве, прочь от моего дома.

Первым заговорил я.

– Эдик, мне все равно нужно это сказать. Вчера мне стало плохо, я почти потерял сознание, а когда очнулся – стало еще хуже. Мне показалось, что я во что-то превратился. В какое-то существо. Потом я снова отключился. Это шиза?

– Это реальность, – Эдик остановился. – Ты абсолютно нормален, и вчера ты превратился в того, кем являешься на самом деле. В крысу.

Мы сидели на лавочке возле детской песочницы и пили «Корвуазье» из пластмассовых стаканчиков. Из закусок у нас имелись нарезка сырокопченой колбаски и две пачки сигарет. Наполовину опорожненная бутылка преданно томилась у наших ног, в груди расцветало приятное тепло. А Эдик все говорил и говорил, глядя в темноту безумными глазами. Листья тополей лениво шелестели над нами, а в уши вливались слова, от которых мне хотелось допить коньяк как можно скорее и перейти прямо к водке.

– ...Считается, что такие крысы появились в Европе после крестовых походов. Может быть, они приехали в тюках тамплиеров, может, перешли через горы из Испании вместе с цыганами и награбленным у мавров добром. Сами крысы этого не помнят. Но совершенно точно известно, что впервые они появились где-то в Азии – скорее всего, в Китае. Там о них было известно уже давно. Крысы-оборотни считались злыми духами, принимающими вид людей, чтобы творить зло. Но все гораздо материальнее. Нечто, попадая в мозг, вызывает потрясающую мутацию: крыса получает способность превращаться в человека. Звучит это как бред сумасшедшего, но это так. И вот эти крысы-мутанты осознали себя и начали строить свою цивилизацию. У них была масса преимуществ перед людьми. Они всегда ставили интересы выживания вида выше личных. Да у них и нет личных интересов! Только забота о потомстве, процветании семьи и еще маниакальная страсть накапливать богатства и рваться к власти. Видимо, это гипертрофированный инстинкт размножения, помноженный на борьбу за существование. Но в Европе уже были те, кто занимался похожим делом. Это наш бедный «евгейский надод», – Эдик усмехнулся и схватился за сигарету. – Но моим предкам было трудно конкурировать с теми, кому вообще чуждо все человеческое. И тогда многие из иудеев стали служить крысам. Мы двигали за их деньги медицину и химию, физику и астрономию. Для чего мы поддержали тех, для кого всякая человеческая цивилизация была всего лишь условностью? Сам догадайся... Впрочем, это теперь уже не важно.

Крысы никого не любят, никого не шадят и ничего не боятся. Они перегрызут глотку любому, кто посягнет на крыс. Крысы ради крыс – вот их смысл существования, тупой и неотразимый, как удар дубиной по голове. Но мутация случайна и мучительна. Нет никаких гарантий, что у крыс-аристократов, крыс, способных к перевоплощению, будет потомство, повторяющее свойства родителей. Даже самка самых «голубых» кровей – о, они это блюдут – может принести помет, в котором будут самые обыкновенные крысята. Таких отправляют в стаи, и они становятся там вожаками. Если смогут, конечно. Да-да. Благородные отпрыски бегают по помойкам и подвалам и жрут отбросы. Но и это не самое плохое. Ко всему прочему крысы-оборотни так и не смогли научиться контролировать свои переходы из одного состояния в другое. В любой момент успешный коммерсант, импозантный политик или топ-менеджер может начать перекидываться в крысу. Процесс мучителен и занимает около десяти – пятнадцати минут. Оп-ля! Вместо олигарха по полу бегают пасюк, а груды одежды заляпаны килограммами слизи. Дело в том, что перестройка молекулярных решеток требует энергетических затрат и... строительного материала. Недостающие атомы берутся из воды, содержащейся в атмосфере, а при обратном переходе они выбрасываются наружу в виде слизистого вещества и той же воды. Поэтому есть факторы, катализирующие процесс. Это избыточная влажность, избыточная жара и различные инфекционные заболевания. А еще возбуждение определенных участков коры головного мозга и возникновение в нем стойкого очага возбуждения – доминанты. Такими опасными доминантами являются половое возбуждение, азарт, страх, голод и гнев. В общем, базисные чувства. Несколько столетий ученые бьются над созданием препарата, который устранил бы этот эффект или хотя бы снизил вероятность внезапного перехода. Но до сих пор нам не удавалось даже выделить это нечто из крыс, тем более получить искусственно. До сих пор...

– И что, есть шансы?

– Существует древнее предание о том, как у крысы и человека родился ребенок, который был и тем и другим. Его потомство несет в себе ген, благодаря которому можно раскрыть тайну этого вещества или вируса – этого неизвестно чего. Но все гены оказались рецессивными. И вот однажды...

– Эдик, причем здесь я?

– Не говори, что не понял. Около тридцати – сорока лет тому назад один ученый из Гильдии Крысоловов ставил опыты над самкой крысы-оборотня. И... вступил с ней в половую связь. В принципе такое возможно, но потомства у пары, в которой оба принадлежат к разным видам, не бывает. После этого подопытная крыса исчезла из лаборатории, а ученый оказался в Бухаре – в секретной экспериментальной лаборатории. Только вот крыса взяла да родила от человека, а ученый нашел формулу «преобразователя». Крыса – твоя мать. Ученый – твой отец. Такие дела, Сережа.

– Как это у них получилось? – задумчиво пробормотал я и допил коньяк прямо из горлышка.

– Потому что они оба потомки той самой крысы и того самого человека, которые много лет назад произвели на свет странного мальчика. Твоя мать из того рода крыс, а твой отец – Магистр Гильдии Крысоловов. Потомок того самого Магистра, которому однажды тоже удался подобный опыт.

– Так вот в чем собака порылась! – воскликнул я и беспомощно огляделся. Потом вспомнил, что спрятал вторую бутылку под лавочкой, и, с сожалением оглядев пустой лоточек из-под колбаски, сладострастно свинтил золотую пробочку. Ах, почему, сжимая рукой горлышко бутылки, испытываешь ни с чем не сравнимый восторг? Как послушно ложится она в ладонь, как чарующе струится живительная влага, обещая избавление от мук! Я налил себе полстаканчика и плеснул Эдику.

Мы чокнулись и опрокинули.

– Прикури мне, а то руки дрожат.

Эдик сунул мне в рот зажженную сигарету, и я с наслаждением затянулся.

– Ты у нас, с какой стороны не поверни, величайшая ценность. По отцу ты сын Верховного Магистра. По матери – потомок правителей древнего клана, ныне правящего на Ближнем Востоке, клана, в котором рождались *видящие*.

– Кто? Коньяк обжег мне горло, а никотин превратил язык в бесчувственный кусок мяса.

– *Видящие*. Так у крыс называются особи, которые при переходе обретают м-м-м... некоторые необычные способности.

– Какие, например?

– Видеть все цвета солнечного спектра. Отличать красивое от безобразного.

– Что?!

– Животное не различает этических и эстетических категорий. Его миром правит целесообразность. Здоровая самка – для потомства. Сильный самец – для выживания. При неблагоприятных условиях необходимо избавиться от слабых и больных, чтобы сильные могли выжить и сохранить вид. Нemoшь побуждает к агрессии. Много пищи и благоприятный климат способствуют размножению. Потомство нуждается в опеке, пока само не сможет добывать себе пищу. Слабейший подчиняется сильнейшему. Вожаку стаи – лучший кусок. Красота, милосердие, безвозмездное добро, сделанное просто так, не входят в необходимые для поддержания биологической жизни компоненты.

– Почти как у людей, – я сплюнул на землю длинную тягучую слюну и растер плевкой ногой.

– Но люди не обязаны следовать целесообразности. Целесообразность в людских отношениях в отличие от животных ведет к самоуничтожению.

– Да ну? То-то ты так пашешь на зверье.

– Они лишь средство, оправдывающее цель.

– И я?

– Ты не средство. Ты цель, ставящая новые цели! – в глазах Эдика мелькнул восторг ученого, только что сделавшего выдающееся со всех сторон открытие. – Крысы до сих пор не оценены по достоинству. Их интеллект в природном виде равен интеллекту приматов, а у мутирующих – вполне успешно соперничает с человеческим. Но они эволюционный тупик. Они ищут пути к совершенствованию.

– Как, и они тоже? Я говорил «они», когда должен был говорить «мы». Боже, Боже, какая безжалостная ирония. «Интеллект успешно соперничает с человеческим.» Я омерзительная тварь с помойки, благодаря случайному завихрению ДНК вместо четырех лапок ходящая на двух и кушающая с вилочки. Я...

– Я с самого начала верил в тебя. Помнишь, как однажды у нас на даче, в сумерках, ты позвал меня полюбоваться цветущей сиренью. «Какой странный цвет, он переносит нас в прошлое», – сказал ты. А твоя страсть к картинам и красивым вещам? Ты чувствовал их красоту, а не выбирал по ценнику или каталогу, – в голосе Эдика звучала гордость няньки при виде чада, которое наконец поднесло ложку ко рту, а не к уху.

Я слушал его излияния, и перед моими глазами стояла моя мать в черном платье, наглухо застегнутом под самое горло. «Мама, почему ты в черном? – ныл я. – Надень мое любимое, красное». Мать смотрела на меня, как-то нелепо сжимая себе горло, и в ее глазах ужас смешивался с торжеством. «Ты видишь, Сереженька?» – спросила она, замерев. Я не понимал, мы опаздывали на балет «Щелкунчик» в Большой театр. Как я любил эту сказку. Боже мой! Королева Мышильда и ее сыночек...

Я схватил бутылку и отхлебнул прямо из горлышка.

– Алкоголь и другие наркотические вещества тоже стимулируют переход, – заметил Эдик и оглядел меня терапевтическим взором.

– Иди ты...

– Теперь тебе все ясно?

– Нет. Как стало известно про завещание?

– Так твоя мать же бежала из его лаборатории. Понимаешь, у... крыс жесткое клановое общество, где интересы семьи доминируют над личными, родовые – над семейными, клановые – над родовыми, а видовые – над клановыми. Твоя мать принадлежала к очень могущественному клану – одному из древнейших в Европе. В ее роду был... была *видящая*. Поэтому она должна была вступить в брак и принести потомство только от того, кого выбрал ее клан исходя из генетических предпосылок и имущественных интересов. Клану твоей матери принадлежит контроль над нефтью, добываемой на Ближнем Востоке. Она предназначалась в жены отпрыску другого клана, правящего на Дальнем Востоке. Клань решили объединить контроль над нефтью. Поэтому...

– Поэтому я тоже сижу на трубе.

– Твоя мать не согласилась с выбором клана, закапризничала, и ее отправили набираться ума-разума к родственникам. Но по дороге она сбежала, случайно попала в одном... притоне, скажем так, в облаву на крыс, периодически устраиваемую Гильдией. Им ведь тоже хочется поуправлять миром. Она солгала о своем имени и, вместо того чтобы в обмен на что-нибудь отправиться к родственникам, оказалась в секретной лаборатории, где над крысами-мутантами ставятся опыты. Бактериологическое оружие, контроль над мутацией и все такое. Как и у нас. Все секретные лаборатории одинаковы, – в голосе моего друга прозвучала тоска по некой *Совершенно Особенной Сверхсекретной Лаборатории*.

– И кто был ее предполагаемый супруг?

– А сам не догадаешься?

– Александр Яковлевич?

– Естественно. Твой негласный опекун.

– И моя мать была к нему всю жизнь привязана, как каторжник к тачке, – подытожил я.

– Это он спас жизнь ей и тебе, убедив клан, что возьмет ее под свою личную опеку. Своим дерзким и необдуманным поведением твоя мать вызвала гнев сородичей, и они исключили ее из семьи и из клана. Она попала под запрет. Она потеряла все, а если крыса-оборотень изгоняется из стаи, она обречена на гибель. Родовое сознание, слышал о таком? Стадное животное нуждается в стае, а социальное существо – в социуме. Твоя мать лишилась разом и того и другого, включая деньги, имущество, положение и связи. Она социально умерла.

– Типа гражданской казни Чернышевского?

– Скорее, это похоже на обычаи бедуинов и других дикарей. На харам и табу. Ее не стало. Ее не замечали при встрече, с ней было запрещено разговаривать, ей нельзя было оказать никакой помощи. Те, кто нарушает запрет, сами становятся под запретом. Но ее жених взял ее в свою семью. Конкубинат. У крыс так не бывает, но у людей – сплошь и рядом. Он не мог вернуть ей сородичей, но он ввел ее в мир людей. По-моему, этого она и жаждала всю жизнь.

– А ее смерть?

– При невыясненных обстоятельствах. И не шевели бровью – для нас ее жизнь и смерть тогда не значили ничего. А для Гильдии... Пожалуй, тогда им тоже было наплевать. Но есть еще третьи...

– Подожди. Ты сказал «тогда» – а что изменилось сейчас?

– Крысы ведут архивные записи. Их жизнь коротка – больше пятидесяти живет только тот, чья мутация позволяет большую часть времени находиться в людском обличье. Созданы препараты... превращений не бывает во сне, не бывает под гипнозом, не бывает при подавлении определенных чувств... Чем бесчувственнее ты – тем качественнее твоя жизнь! – вдруг провозгласил Эдик и, наклонив бутылку, зажатую у меня в руке, наполнил стаканчик до краев.

– Так выпьем же за могущество биотехнологий! – он залпом осушил коньяк и занюхал его рукавом.

– Ты не ответил. Что изменилось сейчас? Откуда вы знаете про отца и завещание!

– Откуда-откуда – от верблюда! – Эдик рассмеялся. – Твой опекун не терял времени даром. Он-то лучше всех знал Зою... прости, твою маман, – Эдик прыснул, но поборол веселье. Он выглядел пьяным гораздо больше, чем был пьян: уж я-то навидался на него за свою жизнь.

– Он поднял архивы и нашел пергамент... В нем была странная запись – то ли сказание, то ли легенда. Фиг его разберет – я те чо, филолог, что ли?! – Эдик снова развеселился.

– Ты ближе к телу, как говорил Мопассан!

– Так вот. В нем был мемм... мему... короче, мемуар какой-то. Написан про самку крысы-оборотня, причем ощущение такое, что писали несколько человек. Как будто этой... зверушке удалось родить от человека, и не просто от человека, а от самого Верховного Магистра, который тогда не был Магистром, а был просто человеком. Или не просто, я уже не помню, в чем там суть. А суть в том, что она родила, а он ее прихлопнул. А сынок-то остался! Вот тебе и сказочка! На уровне научной фантастики!

Я вспомнил Машу, и невольная дрожь сотрясла мое тело.

– Ну и что? Черт побери, не томи!

– Томят томизмы, а мудрят – софизмы! – Эдик окончательно решил прикинуться идиотом.

Я показал ему кулак.

Эдик присвистнул и пробормотал:

– А хохмят – хохмизмы.

Но взял себя в руки и продолжил сей досточудный рассказ, от которого больше всего на свете мне хотелось *перестать быть*.

– Сэр Лозинский не уgomонился на этом свитке, а полез в метрики. И что бы вы думали? Зоя оказалась прапрапра– и тэ дэ племянницей этой самой су... пардон, крысы. Ну, которая родила.

– Господи, Эдик, я сейчас тебя прибью! Причем здесь преданья старины глубокой, если я задал тебе конкретный вопрос!?

– А тогдашний Верховный Магистр – прапра– этим, ну, короче, внучком того самого, ну, от которого родила. И ведь имена у них всех были... А я забыл. Все помню, а вот имена – забыл, – Эдик загрустил и, припав к моему плечу, всхлипнул:

– Вот так и нас забудут. Солнышко взойдет – а нас уже нет. И имена наши стерлись. Да и на кой им всем наши имена? – вдруг возмутился он. – Живешь тут, как собака, а еще имена какие-то! Вот зачем тебе имя Ашшурбанипал, а? Вот ответ? Почему я все время забываю день рождения моей собственной жены, а про какого-то Ашшурбанипала должен помнить! Это – свинство! – Эдик обижено всхрюкнул и деликатно высморкал нос в два пальца. Задумчиво оглядев соплю, он брезгливо откинул ее куда-то в сторону. Потом в глазах его мелькнуло вороватое желание вытереть руки о мои джинсы, и я испуганно отодвинулся. Эдик едва не ткнулся носом в скамейку, но взял себя в руки и вытер их о свои штаны.

– Так вот, начнем с начала. *Ab ovo*⁸, так сказать.

– Не надо сначала. Ты скажи про завещание и отца.

– Раз хамишь – буду молчать, – Эдик искательно заглянул под скамейку, но я спрятал бутылку себе за спину, и он ее не нашел. – А дома меня, между прочим, ждут, – Эдик посмотрел на меня с вызовом и надрывно вздохнул. – Ну, и хрен с ними, подождут еще. Все равно у них нет выбора. И у тебя нет, и у меня нет...

– Эдик! – строго напомнил я.

– Ах, да. Так вот. Короче, твоя мать попала в лабораторию к тогдашнему Верховному Магистру, а по совместительству еще и генному инженеру. Я уж не знаю, что там между ними

было, – Эдик пожал плечами с видом пожилой институтки, – но она родила от него. Это точно. Нонсенс! Абсурд! Чудо! И на свет явился ты, малыш! – Эдик с энтузиазмом акушерки обнял меня за плечи.

– Ну, вот что, учительница первая моя, – я вернул его руки к нему на колени. – Тут я уже все понял, хотя, буду откровенен, не понял я тут ни хрена. А завещание, будь оно неладно?

– После пропажи Зои он не перестал быть Магистром. Вообще-то, это пожизненно... И отправился он куда-то на Ближний Восток или в Среднюю Азию. В горячую точку, изобретать оружие и ставить опыты в полевых условиях. Он и ставил-ставил, ставил-ставил, ставил-ставил... Доставился, короче. Плакала моя Нобелевская премия. Да ты сам у нас Нобелевская премия ходячая, – вдруг воодушевился Эдик, и я испугался не на шутку, представив себе, как Эдик путем хитрых манипуляций извлекает из меня мировое открытие.

Но усилием воли я вернул себе мужество.

– А завещание, Эдик!!!

– Ну, короче, доставился он, изобрел преобразователь... ну, так мы все называем это искомое вещество между нами... – голос Эдика поскучнел, и он снова привалился к моему плечу, с явным желанием отдохнуть.

Я пнул его локтем в бок. Эдик вздрогнул:

– Что еще?

– Завещание! – простонал я.

Эдик задумался.

– Ничем не могу помочь, я точно не знаю, где оно, – вдруг сказал он и оглянулся: – Честно, не брал.

– Зараза, да протрезвей же ты...

Но Эдик положил мне голову на колени и задремал. Я решил, что толку от него пока не будет, и тоже прикрыл глаза. Но голова кружилась так сильно, что я вынужден был их снова открыть. На лице выступил пот, стало потряхивать ноги. «Вот черт, – подумал я. Паленый коньяк, что ли?» Но в следующее мгновение меня осенило. И я испугался по-настоящему. Что там Эдик говорил про катализирующее действие алкоголя? Черт, черт. Я стиснул зубы и попытался расслабить мышцы, пропуская спиральные истечения боли через себя. Боль шла от икр, все туже закручиваясь к груди, слепя глаза и до отвращения обостряя нюх. Я услышал вонь кошачей мочи, смрад солярки от грузовика, запахи еды от помойки... Я уловил новый оттенок в шелесте листвы, почувствовал, как где-то пробежала собака... все исказилось, цвета померкли, и я вдруг увидел ночь. Она была наполнена миллионом тончайших нитей – это были следы присутствия жизни, биологические токи материи. За каждой ниточкой можно было идти – так идут по тропинке... Предметы стали выпуклыми, формы их потеряли привычный смысл и открылись с какой-то невыносимо абсурдной стороны... А потом я услышал зов. Он шел откуда-то справа и сзади, и я догадался, что там – существо одной со мной крови. Я ответил ему и услышал легкий переступ лапок. Передо мной стояла крыса-самка, я сразу ощутил это по особому запаху. Она принесла с собой страх, любопытство и желание подчиниться сильному. Как и все самки. Задвигав носиком, она опять ответила мне. Это было так странно... Она не была мне чужой... Она была... как... она была естественна, как мир, и я нуждался в ней.

Мне захотелось ее погладить, и я позвал ее. Она подбежала и, недоверчиво осматривая меня, снова принялась. Я повторил зов. Она взбежала мне на ногу, ее тельце было упругим и невесомым. Я наклонился к ней и, ощутив ее дыхание на своем лице, вдохнул сам.

В это время Эдик проснулся и заорал. Он заорал так, что крыса буквально слетела с меня и, шмякнувшись о землю, исчезла в темноте. Тут же поблизости завывала сигнализация.

– Заткнись, – прошипел я. – Чего ты орешь?

Эдик смотрел на меня, и в его взгляде я впервые в жизни увидел омерзение, смешанное со страхом.

Что ж. Я и сам теперь смотрю на себя так же.

– Чего уставился? – дружелюбно поинтересовался я. – Крыс не видел?

– Я никогда не видел тебя... таким.

– Каким?

– Счастливым животным.

Эдик был абсолютно трезв.

Я проигнорировал его реплику.

– Ты не закончил про завещание.

– Профессор отправил письмо твоей матери. Когда она была еще жива. Твой опекун перехватил его. Кроме всего прочего, в письме было сказано, что твой отец все завещает тебе, если ты есть. Он погиб ночью, пять дней назад. Он был убит выстрелом в голову, потом помещение взорвали. Нам туда не попасть: там власть Гильдии. Ты едешь в Бухару. Препарат или его следы нужно искать там.

– А как же тест?

– А ты сам не видишь? – Эдик усмехнулся с неожиданной горечью, и я осознал: нечто важное в его чувствах ко мне сейчас умерло навсегда.

– Эдик, кто я? Зачем я вам?

Эдик отвернулся, вытащил из-под лавки мятую пачку и, безразлично отряхнув ее, вынул сигарету. Я поднял с земли зажигалку и дал ему прикурить.

Мы сидели молча, и где-то далеко над крышами появилась тонкая кайма светящегося неба.

Эдик хоронил друга.

Я был занят тем же.

Наконец он повернул ко мне лицо, бледное в рассветных сумерках. Его полные боли глаза смотрели на меня с непонятной тоской.

– Ты можешь навсегда превратить крыс в людей, а можешь навсегда избавить мир от крыс. Ты – недостающее звено между двумя видами. Ты – их мошиах⁹! – Эдик захлебнулся словами и уронил голову на руки.

Я смотрел на его плечи и ничем не мог ему помочь.

– Врачу, исцелился сам! – пробормотал я.

Эдик вздрогнул как от удара:

– Что ты сказал?

– А также «кровь его на нас и детях наших¹⁰» – не так ли, Эдик?

Он медленно опустился передо мной на колени и, взяв мою руку, положил ее себе на голову.

– Знаешь, что я теперь делаю?

Я кивнул.

– Ты принимаешь мою клятву?

– Нет.

Я услышал свой голос со стороны, и мне стало жутко.

– Мой род служил твоему семьсот лет, и я буду служить тебе.

– Этого ли ты хочешь?

– Я всегда этого хотел.

– Лжешь.

Я обхватил его за шею и притянул к себе.

– Я никогда не сделаю того, чего вы хотите. Слышишь, безумец? Как можешь ты жертвовать своей свободой во имя твари, которой и названия-то в природе нет? Или ты хочешь стать

ловцом человеков ¹¹? Это не моя синекура, Эдик. Как выяснилось, я тварь в тысячу раз более ничтожная, чем самое последнее ничтожество из людей. У меня даже нет души!

Я расхохотался и вскочил со скамейки.

– Вы слышите? У меня даже нет души! Я крыса! Отвратительная тварь с голым хвостом и розовыми ушами. Или какие там у меня уши? А, Эдик? В своей лаборатории вы наверняка выяснили все виды ушей моих сородичей. О, мой Бог!

Встань с колен, слепец, встань и иди! Если благодаря шашням моей маменьки у меня и есть какая-то призрачная власть, то этой властью я отпускаю тебя! Твой род отныне свободен от клятвы! Будь человеком, Эдик, ты-то можешь им быть! Уходи!

Я оттолкнул его, и он едва не упал, облокотившись о землю рукой. В глазах его застыла тоска.

Я отвернулся и пошел прочь. И от него, и от всего того, что услышал.

– Чернов, остановись, – крикнул он. – Не сходи с ума!

Но коньяк делал свое черное дело, и я, нырнув в подворотню, устремился в неизвестность.

Слишком часто мы принимаем чужую слабость за свою силу.

Глава 7

Опять Маша

Если мужику некуда пойти, он идет к бабе. Все просто. Я отправился к Маше, на ходу пытаюсь сообразить, как мне до нее проще добраться. Мне нужно было выспаться, прочесть эти чертовы «мифы древней Греции», и мне нужен был кто-то такой же, как я. С ним я не боюсь самого себя. С другим я боюсь его. И хотя переход девушки в крысу может dokonать даже более крепкого парня, я готов был пережить и это. И так, Маша. Но у меня не было ни копейки. И тут меня осенил гениальный, а главное, оригинальный план. Я сошел с тротуара и стал ловить машину.

Применив все похмельное обаяние, на которое я был способен, я объяснил парню-бомбиле суть проблемы: напился, посеял деньги, еду домой. Нужно подняться со мной, и жена отдаст деньги. Что будет, если Маши не дома, меня не волновало. Как-нибудь отмажусь. Не удавиться же теперь из-за пятисот рублей. Мы вошли в парадное, которое, к счастью, оказалось открытым: юркие выходцы из очередной солнечной республики мыли лестницу. Поднялись на шестой этаж. Я позвонил в дверь, и через несколько секунд она распахнулась. На пороге стояла зареванная Маша, облаченная в идиотскую девичью пижамку с котятками.

– Маш, отдай мужику деньги, а то я в долг ехал, – пробормотал я тоном мучимого похмельным раскаянием сожителя.

Маша всхлипнула и нырнула в прихожую. Покопавшись в сумочке, она вытащила кошелек.

– Сколько? – спросила она.

– Пятьсот, – ответил бомбила и ухмыльнулся: – Ну, удачи, шеф, – он еще раз хмыкнул и нахально обозрев просвечивающую сквозь рубашечку Машину грудь, отвернулся к лифту.

Я вдавился в дверь и захлопнул ее за собой. Маша стояла, опустив руки с зажатым в них кошельком, и смотрела на меня.

Я подошел к ней и взял ее за подбородок.

– Ты плакала?

Она попыталась вырваться, но я взял ее лицо в ладони.

– Я ждала тебя, я все время тебя ждала.

Она зажмурилась, переживая самое страшное и самое обиденное унижение женщины. Унижение от того, что ты вынуждена сначала сознаться в своем унижении, а потом простить его оскорбителю, потому что не простить не можешь.

Я поцеловал ее в губы. Мои руки беззастенчиво лапали ее не проснувшееся тело. Она пыталась отстраниться, но ее обида только возбуждала меня. Мои ласки становились все смелее, а она – податливее. И в тот момент, когда я ощутил наконец ее желание, она вдруг оттолкнула меня.

– Ты, наверное, хочешь есть и спать? – спросила она, отстраняясь и поворачиваясь ко мне спиной.

– Ты угадала.

– Тогда пойдем, я тебя покормлю. Она пошла на кухню, а я, сознавая, что при всем моем желании после такой ночи вряд ли буду на высоте, поплелся за ней.

Она достала из холодильника кусок вырезки и положила ее на сковородку. Движения ее были привычны и отработанны. Потом она порезала овощи и отжала апельсиновый сок. Все женщины мира одинаково кормят своих мужчин. Кормежка всегда столь физиологична, что, поддаваясь ей, я невольно захотел питаться воздухом, чтобы, в свою очередь, не быть

униженным этой дрессурой. Пока я ел, она смотрела на меня, положив подбородок на руки. Потом она уложила меня и легла рядом.

– А чего? Крыса – это даже прикольно! – произнес я вслух и заснул.

Однажды Дон-Кихот на вопрос одной герцогини о его даме сердца Дульцинее Тобосской ответил так: «Существует ли она в действительности или только в воображении – это один из тех вопросов, до окончательного решения которых не следует доходить...»

Вот и я, жуя бутерброд за утренним кофе, при размышлениях о своих чувствах к Маше решил остановиться именно на этой точке зрения. Ведь любой анализ по своей сути губителен: он расчленяет и мертвит свой объект. Так что, как учил Монтень¹², будем наслаждаться тем, что имеем. Или это придумали еще до него?

Помимо чувствительной стороны дела меня осаждали стайки других проблем. Главная из них – а скоко мне жить-то осталось? Или, к примеру, с кем я, по какую сторону баррикад, так сказать? А вот еще про деньги – где их взять-то? Пойти и попросить?

К тому же что мне делать со своим сложным биологическим составом? И так далее, и тому подобное, и все в таком духе. И вообще, в окошке виднелось голубое небо, во дворе весело перекликались таджикские дворники и голуби гудели на карнизе, как орган в костеле.

Намазав ломоть багета маслом и еще немного поразмыслив, я решил направить свои стопы к Анне. В конце концов, если я столь «матери-истории ценен»¹³, должен же я выслушать версию и от противной стороны. Судя по скупым обмолвкам Эдика, Анна и есть та противная сторона, которая не замедлила воспользоваться своим правом на меня. Уж не знаю, как там мои сородичи договаривались со своими антагонистами, но, видимо, ни тем ни другим не светит препаратик без вашего покорного слуги. Экий я Труффальдино из Бергамо¹⁴ – слуга двух господ, да и только. Впрочем, претензии обеих сторон вполне справедливы. Папа и лаборатория – Гильдии, а мама и сын – крысиные. Что ж, Господь велел делиться.

Посему визит мой наверняка санкционирован с обеих сторон. Оба-на! А ведь пьяный Эдик что-то бормотал и о третьих! А это кто? Страшное «кей джи би», остроумно переоборудованное в «эф эс бэ»? Или злая американская контрразведка? А может, фанатичные дяди в чалмах с молитвенными ковриками под мышкой? В конце концов, и абреки право имеют. Ведь расселились же они с осетрами и мидиями на берегах соленого озера, в котором водится нефть? А может, это – мировая еврейская закулиса? Нет, не она. Закулиса представлена Эдичкой. По крайней мере, он имеет к ней самое этническое отношение. Ми-2? Англичане всегда любили Восток. Как там у Киплинга? Бремя белого человека¹⁵! А шпион Лоуренс¹⁶ был просто великолепен...

Нет, Сережа, так мы истину не найдем. Посему побредем-ка мы по жаре пешочком к гордой красавице Анне и спросим ее напрямую: «Анна, кто вы и кто “третьи”?»

– Сережа? Что мы будем сегодня делать? Может, пойдем погуляем?

Я вздрогнул.

Маша стояла передо мной уже одетая.

Черт, о ней-то я совсем забыл.

– У меня полно денег. Вчера вечером заезжал отец и подкинул. Он не хочет, чтобы я работала до третьего курса, вот и подкидывает на жизнь по мере надобности.

Маша забралась с ногами на стул и, облокотившись на стол, робко поцеловала меня в щеку, на которой уже успела выступить щетина.

– Ой, как быстро они у тебя растут! – она потрогала мой подбородок пальчиком и хихикнула. – Хочешь, пойдем суши поедим! Или пошли в музей! В Третьяковку! – глаза ее счастливо сверкнули. – Вдруг я смогу увидеть все эти картины! Я столько о них читала, столько слышала, но никогда не видела по-настоящему!

– А ты сейчас как *видишь*? – спросил я для того, чтобы хоть что-то спросить.

Маша спрыгнула со стула и крутанулась на каблучках.

– Я вижу все! – она подняла руки и обвела ими вокруг себя. – Я вижу, что у тебя сейчас синие глаза, а вчера были тускло-серыми и волосы, выгоревшие, как метелки ковыля! Я... – вдруг она осеклась. – Почему я сказала про ковыль? Я никогда его не видела, я даже не знаю, что это... Это все из-за нее, да? Маша прижала кулачки к груди.

– Из-за кого? – я закурил и, откинувшись на стуле, подлил себе кофе.

– Из-за легенды. Помнишь? Там у... него были волосы... Сережа, ты помнишь?

Я помнил. Я даже мог сравнить их со своими. И глаза мог сравнить. Кто мне он? Прапрапра– и тэ дэ дедушка, как сказал Эдик?

– Ну и что? Все маленькие девочки любят сказки, а потом путают их с жизнью. Иди сюда, – я усадил ее себе на колени, и она прижалась ко мне. Она была такой... как... свежая булочка, вот какой. Не романтично, но хочется. Я поцеловал ее в шею, полез под майку... В общем, одну тему таким образом я замял.

– Ну, так куда мы идем? – радостно поинтересовалась она, вскакивая у меня с колен минут через пятнадцать и возвращая юбку в более функциональное состояние.

Что я мог ей сказать? Что мы никуда не идем? Что лично я пойду к одной молодой леди, которая любезно приютила меня на ночь несколько ранее Маши и к тому же еще, по всей видимости, имеет отношение к Гильдии?

– Давай так, – я сладко потянулся, до хруста в плечевых, суставах и поднялся с жалобно скрипнувшего стула. – Мы сейчас прошвырнемся с тобой до какого-нибудь уютного местечка с диванчиками, суши и полумраком, а потом у меня одна важная встреча, которую я не могу пропустить. Сколько она продлится – я не знаю. Смогу ли я после нее прийти к тебе – тоже не ясно.

Я взял Машу за круглый смешной подбородочек и поцеловал в губы.

– Но я все равно к тебе вернусь. Обещаю.

Она обняла меня за шею и спрятала лицо у меня на груди. Она тоже все понимала, просто не могла все время помнить об этом. У нее просто не хватало на это сил.

– Я буду ждать тебя. Только тебя. Даже если ты не придешь никогда, я все равно теперь буду тебя ждать, – прошептала она. – И я никогда не отступлюсь от тебя.

Мы стояли обнявшись, и я вдруг осознал, что действительно не знаю, что теперь со мной будет. Зачем я пойду туда? Впрочем, Эдик был совершенно прав: выбора нет ни у него, ни у меня, ни у них. Или выбор есть всегда?

– Если бы только у меня была душа, как у человека, то мы встретились бы после смерти. А так? – Маша подняла лицо, и в глазах у нее стояли слезы. – Это нечестно, понимаешь, – давать нам любовь, не давая души.

Я поцеловал ее в глаза, ощутив на губах солоноватый вкус ее слез.

– Это все пустяки, как говорит Карлсон. Так что давай-ка собирайся и пойдем. Я шлепнул ее по попе, и мы пошли.

– Знаешь, что я придумала? – сказала она, выходя из кафе и весело помахивая моей рукой, зажатой в своей. – Возьми мой мобильник – ведь у тебя нет документов. Или, хочешь, я куплю тебе новый?

– Сойдет и твой. Только купи мне симку.

– У меня есть запасная, левая. Она ни на кого не оформлена. Я думаю, теперь тебе нужна именно такая!

Маша остановилась и прямо посреди дороги принялась рыться в сумочке. Выудив оттуда косметичку, нашла в ней сим-карточку, завернутую в бумажку. Не сходя с места, она извлекла айфон, иголку и ловко обменяла симки.

– На! – она сунула мне теплую от ее рук трубку. – Только фотки там дурацкие, я на них некрасивая! – она засмеялась. – А я себе новенький куплю. Вот и повод для шопинга! На симке есть немного денег. Ее номер забит в память. Набери «Вторая я». А мой нынешний – в «Первая я». А то я вечно забываю, куда деньги класть. И ты позвонишь мне. А куда мы пойдём есть? Я такая голодная!

– А пойдём к туркам на Маросейку. Там днем немного народа.

– А бизнес-ланч?

– А и фиг с ним, главное – занять диван.

И мы двинулись дальше, болтая о пустяках и слегка поджариваясь на тридцатиградусном московском солнышке.

Прежде чем уйти, она вдруг опять нырнула в свою сумку и достала из неё толстую пачку денег.

– Возьми, тебе надо, – сказала она. Ее лицо было полно муки, но она старательно улыбалась. – Я скажу папе, что мне порезали сумку в метро. А сумку сама разрежу скальпелем. У меня есть. Папа обзовет меня распустехой, но денег даст.

Она подняла на меня глаза:

– Иди же, иди скорей, что стоишь. Хочешь, чтобы я начала биться головой о землю прямо здесь? – она толкнула меня. – Иди.

Я на секунду прижал к губам ее кулачок и пошел. Я не оборачивался, но знал, что она будет смотреть мне вслед до тех пор, пока мой запах не растворится в толпе.

Глава 8

А вот и третьи

Раньше моей профессией были разговоры с неприятными людьми. Посему очередная малоприятная беседа меня не особо тревожила. Впрочем, Анна была не такой уж неприятной, да и Гильдии чисто по-человечески (хм...) я даже немного сочувствовал. Конечно, я пока мало в чем разобрался, еще меньше узнал, но совершенно очевидно: крысоловы будут, пока есть крысы. И мне от Гильдии пока вреда немного. Почему я должен представлять интересы крыс? Только потому, что я тоже крыса? Не убеждает. Я еще и сын Верховного магистра, пусть и нехорошей, но очень-очень значимой фигуры, даже после смерти. Так что, как Мальчишу-Плохишу, мне есть куда двигаться. И как ни странно, мне этот вариант отчего-то был более симпатичен. Может быть, оттого, что дружба врага более привлекательна, чем вражда друга?

Между тем мое бессознательное сыграло со мной дурную шутку. А сия шутка хоть и приблизила меня к открытию бессознательного (а значит, и сознательного) у крыс, но внесла сумятицу в мои планы. Я обнаружил себя идущим по переходу станции метрополитена «Китайгород», вместо того чтобы бодро маршировать в сторону жилища Анны.

Противиться себе у меня не было сил. Вот с чего начинается деградация личности! Вы вместо того, чтобы сделать пусть неприятный, но важный и ответственный шаг, норовите тихонечко смыться и отложить бремя решения на потом. «Об этом я подумаю завтра», – так, кажется, глаголила милая мадам Скарлетт. И от таких эскейпов вовсе недалеко до алоголизма и наркомании, азартных игр и занятия проституцией! Последним, кажется, я и так занимался негласно всю жизнь и несколько брутальнее – в последние дни.

Но я не мог, не мог прямо от Маши идти к Анне. Правда, в задницу мне то и дело впивались ключи от моей квартиры, любезно возвращенные мне Эдичкой, а в паху мешалась пачка денег, ссуженная Машей, и я мог быть свободен от... Это и делало меня несвободным. Две женщины – этим мало кого удивишь. Но я так не мог. Пока не получалось.

Всю дорогу в метро я тупо играл в айфон. При жизни у меня был «Верту», и простые радости были мне недоступны.

Очнулся я на конечной. Вышел и направился в сторону скопления наибольшего количества людей. Конечно, на ближайший рынок. Зачем? Пес его знает. Инстинкты.

Как придурок, я бродил по жаре, отягощенный оттопыренными карманами, не желая присоединиться к обществу мужчин с портфелями, барсетками, напузными кошельками и полиэтиленовыми пакетиками. Не желал я присоединиться и к тайному обществу «говенных знакомых» – Эдичка утверждал, что есть такие продолжатели дела физиков и лириков. Они носят барахло в рюкзаках и пакетах, ездят на Белое море, в Крым и на Алтай и, размышляя о судьбе России под гитару, очень много ничего не делают.

Итак, попутно прикупив себе шаурму, я бродил, пачкаясь в кетчупе и майонезе, и глазел на генезис обеих цивилизаций в действии. Одна половина человеческой цивилизации влачила жалкое существование, обреченная другой половиной на экспансию чернявых дикарей, которые за всю свою религиозно-культурную жизнь научились всего лишь лудить медь, изготавливать из глины кафельные плитки и бойко грабить. Другая моя цивилизация, вернее ее первая половина, уже никем не контролируемая из-за большого количества, бойко шныряла между ящиков и мусорных контейнеров, подтягивалась на лапках к прилавкам с мясом и, задорно попискивая, воровала из помоек булочки и недоеденные пиццы. Вторая половина второй цивилизации воровала и попискивала на ковролине и в Куршевеле. Собственно говоря, судьба обеих цивилизаций меня особо не волновала, потому что, глядя на них, я не любил ни ту ни другую. Деморализованная масса, не ведающая ни цели, ни средств, ни идеалов.

Мне бы не хотелось, чтобы наиболее продвинутые из них ловко использовали шанс в виде меня в своих интересах.

В раздумьях, которые свойственны каждому «говенному знакомому», я незаметно для себя забрел на какие-то задворки. В реальность меня вернули гортанные вопли кавказцев, которые, как стайка блудливых шакалов, окружили какого-то несчастного бледнолицего. Причина воплей за спинами в потных футболках была видна плохо, и я, подойдя поближе, рассмотрел ее прямо поверх бритых и лохматых голов.

Причине было лет двадцать, она была пухловатой, белобрысой и, что, как известно, корень всех соблазнов, облаченной в рясу служителя православного культа. Причина мужественно держалась за разбитое лицо, и на физиономии ее было написано твердое желание умереть за веру. Хотелось бы, конечно, – я прочел это на физиономии – умереть не очень мученически, но это уж как повезет.

– Эй, ты, – между тем вещал один из представителей мусульманского большинства, – я твою маму...

Я всегда ненавидел, когда несколько бьют одного. И никогда не слышал, чтобы группа православных служителей, или группа «прихожан храма сего», возглавляемая православным служителем, или группа, наученная православным служителем, била одинокого имама или муфтия на задворках рынка.

Я взял за плечо ближайшего ко мне гражданина:

– Послушай, уважаемый...

Мужик резко повернулся и, увидев еще одного иафитида¹⁷, выругался на своей тарабарщине, а потом с нагловатой ленцой процедил на ломаном русском:

– Эй, слушай, иди по сваим дэлам, да? Видишь, мы не с тобой говорим, мы с ним.

И тут я расстроился.

Может, от бессильного гнева за невозможность русских отбиться от ненасытных агарян¹⁸ и прочих иноплеменников, может, за острое ощущение несправедливости. А может, из-за моего собственного онтологического свинства...

Я ударил его указательным пальцем левой руки прямо в выпуклый черный глаз. Он завыл и, согнувшись пополам, схватился за лицо.

Остальные четверо мгновенно развернулись и окружили меня...

Потом, пытаясь восстановить в голове происшедшее, я нарисовал себе приблизительно такую картинку.

Возможно, я что-то сделал или что-то крикнул, прежде чем ударить следующего ногой в пах, пока он собирался ударить меня в лицо. Потом кто-то прыгнул мне на спину, но отчего-то его движения показались мне медленны и неуклюжи. Все потеряло цвет, но обрело объем, запах и звук. Я увидел его еще в полете и, удивившись, как медленно он двигается, отбил его ударом кулака в лицо. Под кулаком влажно хрустнул носовой хрящ, и человек откинулся назад. И когда я ударил ногой в грудь третьего, то заметил, что четвертый, вытащив откуда-то нож с широким темным лезвием, приставил его к горлу юнца.

И тут юнец заорал. Тогда я приписал его крик понятному малодушию, но его дикий взгляд, помноженный на замороженное от ужаса лицо кавказца, заставил меня обернуться.

Десятки крыс волнами валились с ящиков и завалов, выплескивались из щелей и, как волны Всемирного потопа, поглощали людей. Когда под шевелящейся массой упал тот, кому я выбил глаз, и твари затопили второго, катающегося по земле схватившись за лицо, четвертый не выдержал и, опустив нож, хотел бежать. Но было поздно. Огромная крыса бросилась ему в лицо с груды ящиков. Я словно смотрел черно-белое немое кино: нет звука, нет красок, только мелькание кадров.

Человеческий вой включился внезапно, мир вновь обрел краски, и время вернулось. Я видел, что людей жрут заживо. Их страшные крики раздирали воздух, и тогда юнец бросился

ко мне и, запрокинув залитое кровью, опухшее от побоев лицо, закричал, вцепившись в мою рубашку:

– Остановите их, слышите? Не надо! Там же люди! Остановите их!

Но как я мог остановить их? И тогда я схватил его за руку и поволок прочь оттуда.

Он кричал и плакал, пытался вырваться и отбрасывал крыс ногами. Твари обтекали нас и неслись туда, откуда невыносимо разило свежей кровью.

И когда я опять обернулся и увидел, как катается по земле ослепший, оглохший, сходящий с ума от боли и страха человек, я почему-то подумал, что и он был когда-то ребенком, радостно и доверчиво глядевшим в небо. Почему и откуда пришла ко мне эта мысль, я не знаю. И тогда я оттолкнул мальчишку, опустился на корточки и тихо позвал своих братьев к себе.

Первой подняла морду и ответила мне та самая крыса, которая прыгнула в лицо человеку с ножом. Она пронзительно пискнула, и крысы повернули свои подвижные мордочки к ней. На усиках некоторых рубиновыми каплями повисла кровь. И я снова позвал. Как я это сделал, и слышен ли был мой зов перепуганному юнцу, не знаю.

– Что делать? – спрашивал меня отведавший крови вожак. Его глазки хищно посверкивали багровыми искрами, а острые зубки скалились в улыбке.

И я послал их грабить мясные ларьки. Благо, крики были услышаны и сюда бежали торговцы и менты. Так что моим соплеменникам будет чем заняться, пока рынок стоит на ушах.

Я подхватил почти впавшего в коматоз неудавшегося мученика и поволок его к метро.

Я впихнул его в щель турникета, затем прошел сам и поволок парня вниз по ступенькам. Протасив его сначала по эскалатору, а потом по платформе, затолкал в подошедший поезд и, прислонив к дверям, наконец-то перевел дух. Не могу сказать, чтобы меня как-то особо трясло, – по ночам в закрытых клубах я и не так метелился по молодости, но меня поразили два момента. Первый: почему остановилось время и мир потерял цвет? Второй: появление крыс. Возможность уйти в них *навсегда* смущала меня.

– Ну что, отец Федор, почему опиум для народа?

Я посмотрел на спасенного мной парня и опять подивился разнообразию разрушений на его лице. Впрочем, пострадал он не слишком серьезно – походит месячишко с палитрой на морде и забудет. Я вспомнил, как орал человек, пожираемый крысами, и поежился. Пожалуй, ничего пацан не забудет.

– Т-ты... в-вы... к-кто? – разбитые губы парня опухли, а от выброса адреналина в кровь он заикался.

– Доброжелатель, – я улыбнулся и утер тыльной стороной ладони пот, заливавший мне лицо. Нормальный человеческий пот. От соленой влаги немедленно защипали содранные костяшки пальцев, и я с сожалением заметил, что с моей правой руки содрана кожа. Проклятие! Так можно и столбняк подхватить: кругом ведь сплошная антисанитария! Мне стало жаль моей красивой загорелой руки, и я озабоченно подул на щипавшие ранки.

– Что вы сделали с ними? – голос его срывался на фальцет, и я незаметно пихнул его в бок.

– С кем, мой юный друг? И вообще, не подобает служителю истины так нервничать по пустякам. Подумайте о вечности.

Юноша вдруг зарделся и опустил голову.

– Я не священнослужитель, я студент Духовной семинарии. Правда, меня скоро могут в дяконы рукоположить, – отчего-то добавил он и снова покраснел.

– Ну, прости, друг.

Я снова оглядел свою руку, обнаружил грязь на чистеньких джинсах, и внезапная усталость охватила меня. Какого черта я все время попадаю в какие-то истории? Прямо уже Ноздрев какой-то. И чего я туда поперся, и зачем я в это вляпался? Или как в том анекдоте? «Хоть какое-то развлечение», – подумал узник, когда к нему пришел палач. К тому же во всем есть

свои плюсы. Надо затащить экспонат к Анне: пусть приведет себя в порядок, а я отмажусь от секса и задушевных разговоров. А потом вытолкаю его восвосяи, учиню допрос и... Ладно. Поживем – увидим.

– Поедем в одно местечко, – обратился я к семинаристу, пытающемуся осторожно ошупать физиономию. – И перестань елозить – тоже мне Хома Брут.

Про себя я отметил, что, кажется, этот сезон в моей жизни протекает под эгидой русской классики. То Грибоедов, то Гоголь... Дальше, вероятно, начнется Достоевский.

– Поехали в одно местечко, там умоешься, переоденешься и поедешь по своим делам. Нечего форму дискредитировать – я кивнул на его перепачканную рясу.

– Мне нельзя, мне ко всенощной в монастырь надо, – пробормотала жертва межконфессиональной розни в одностороннем порядке.

– Во сколько всенощная?

– В шесть.

– Поздравляю: ты не успеешь.

Я достал телефон, к счастью не пострадавший:

– Время – семнадцать ноль-ноль. А с такой рожей, эншульдигунг зи мир битте ¹⁹, вам на всенощную лучше не ходить. Вас там не поймут.

– А как же исповедь? – спросил он у меня.

Я подумал.

– Придется в другой раз.

– А завтра праздник, все причащаться будут...

– Я не богослов, мой смелый друг, но мне кажется, что участие всех еще не повод для участия в празднике лично тебя. Кстати, ничего, если мы на «ты»?

– Ой, я забыл вас поблагодарить... – он посмотрел на меня, как красавица на рыцаря. – Вы спасли... спасли мне жизнь.

– О, какие пустяки, не стоит благодарности. Подумаешь, повздорили с неверными по поводу одного местечка из Блаженного Августина ²⁰...

Он вдруг рассмеялся.

– А как же кухня-белошвейка?

– Тс-с, мы к ней и едем.

– А...

– Все будет тихо и благоговейно. Она мне как сестра.

О... Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется.

Почему-то своей полудетской физиономией с не отмытой безжалостным временем невинностью на лице юноша напоминал мне новорожденного. И вообще, люди любят тех, кому причинили добро. Или я опять перепутал цитаты?

Квартира Анны ничуть не изменилась, как и сама Анна. Под тихий скулеж жертвы межконфессионального конфликта, которую, кстати, звали не Федором, а Петром, я настырно звонил в дверь минуты три, пока не услышал лязг и скрип отпираемой двери.

– Ты? – в ее голосе не было ни особого удивления, ни особой радости. Только усталость. – Проходи, – но, заметив за моей широкоплечей фигурой чудо в подряснике, она на секунду потеряла дар речи. Однако оперативненько взяла себя в руки и, не скрывая изумления, поинтересовалась:

– А это еще кто?

– Мой друг, Д'Эрбле ²¹. Готовится стать аббатом.

Петр запунцовел, а Анна, скептически хмыкнув, оглядела его округлую фигуру, отчего синюшно-багровая физиономия моего свежееобретенного друга приняла апоплексический оттенок.

– Берегись инсульта, – я пнул юношу, и он, переступив через порог, застенчиво огляделся.

На этот раз Анна была облачена в длинное синее платье-рубашу с вышивкой вокруг выреза и по краям широких рукавов. Эта тряпка необычайно шла ей, подчеркивая восточную красоту.

Звякнув браслетами, она запустила пальцы с длинными ногтями себе в шевелюру и яростно почесала голову.

– Нашлялся? – спросила она, моментально напомнив сварливую жену из сказок «Тысячи и одной ночи». – А другу кто рожу набил? Тоже ты? А то в прошлый раз тут полотенчико...

– Нет, злые черкесы, – перебил ее я. – Или кабардино-балкарцы. А может, даже и «друг степей калмык». Короче, басурмане. Кофе дашь? И ему компресс на морду?

– И коньяку, и какаву с чаем. И на морду примочку.

Она зевнула как кошка и тряхнула волосами.

– Проходите уж, чего торчать как гвоздь из ж...?

Я переобулся в тапочки и пошел на кухню. Семинарист Петр снял стоптанные черные ботиночки и прямо в носках нерешительно двинулся следом, явно не зная, куда себя деть.

– А ты – в ванну, – она подхватила Петюню за рукав и потащила в направлении санузла. Издалека я услышал его жалобные стенания и выкинул их обоих из головы.

Кухня Анны разительно отличалась от Машиной и размерами, и вещами, и запахами. Но было между ними и что-то неуловимо общее: приюты одиноких женщин столь же похожи друг на друга, сколь и обитатели одиноких холостяков.

– Выбросила бы ты эту дрянь! – преувеличенно громко сказал я и с ненавистью оглядел потертую клеенку на столе.

– Тебя не спросила. Тоже мне, эстет из Бобруйска, – послышалось из-за моей спины. Оказывается, Анна уже успела умыть жертву, и теперь капала из темной бутылочки на кусок марлички неприятную жижицу.

– На, приложи к морде, – она сунула фигуранту компресс, и тот, кротко кивнув, осторожно прижал его к лицу.

– Ой, щиплет, – прошептал он, робея Анны.

– Чем больше слез – тем больше облегченья, в слезах и заключается лечение, – процитировал я советского классика.

Анна посмотрела на меня, как на душевнобольного, а потом схватила за руку и прошипела в ухо:

– Где ты его взял? Ты что, окончательно рехнулся – тащить ко мне в дом наблюдателя?

– Чего-чего? Сама ты спятила! Какого еще наблюдателя? На рынке кавказцы били морду сопляку за то, что он в рясе. Я его спас от травматологии и челюстно-лицевой хирургии. У тебя что – мания преследования? Какого, к дьяволу, наблюдателя ты еще придумала? Из полиции нравов, что ли?

Анна посмотрела на меня, как на идиота:

– Ты еще поиздевайся!

Она раздраженно повернулась к семинаристу:

– Ну что, полегчало? И до чего только не додумаются твои воспитатели: пожертвовать рожей новичианта²² во имя высшей цели – что ж, вполне в их духе!

Юноша нервно отнял от лица салфетку:

– Я н-не понимаю вас, – смущенно пробормотал он.

– Ну ладно, будем надеяться, на сегодня комедия уже закончена.

Анна отвернулась и, схватив со стола пульт, включила телевизор.

В очередной раз поразмыслив о том, что в последнее время мне все реже попадаются психически здоровые люди, я решил испить кофейку. Поставив чайник на плиту, я вспомнил, что неплохо бы позвонить Маше и сказать, что встреча затягивается на неопределенное время. Я удалился в ванную, расположенную в другом конце квартиры, и, присев на краешек чугунного монстра, включил воду и набрал «Машу-1».

Разговор не клеился. Я чувствовал себя немного виноватым, Маша чувствовала, что я чувствую что-то не то, и в итоге я, пообещав прийти к ней завтра, повесил трубку.

Когда я вернулся, Анна и вьюноша сидели не шелохнувшись, вперившись в телевизор. В очередном выпуске новостей малообразованная журналистская девушка с ужасным придыханием, путаясь в согласованиях и ударениях, вещала на журналистском жаргоне о имевшем быть чрезвычайном событии на N-ском рынке.

– При невыясненных обстоятельствах крысы напали на людей. Это не удивительно, притом, что префект округа не проводил санэпидеобработки вверенной ему территории. Жизнь москвичей все более подвергается опасности, пока поголовье этих опасных грызунов неуклонно возрастает. Давно пора покончить с антисанитарными условиями на рынках столицы. Сегодня целые полчища крыс совершили нападение на нескольких рыночных торговцев, а потом стихийно хлынули на контейнеры и палатки, где хранились мясо и рыба. В тяжелом состоянии трое людей доставлены в больницы города, а один человек скончался на месте от множественных телесных повреждений и потери крови, вызванной укусами грызунов. Можно сказать, что пострадавший был буквально объеден грызунами. Есть подозрение на бешенство, вызванное возросшей популяцией крыс и необыкновенно жарким летом. Директор рынка господин Гайнутдинов Ахмет Шамильевич от комментариев отказался.

Далее камера крупным планом обвела место имевшей быть трагедии, и зрители узрели лужу крови, полосатую ленточку и обведенный мелом силуэт на залитом кровью и усыпанном мусором клочке скверно положенного асфальта.

– Ну что, допрыгались? – Анна посмотрела на побелевшего от ужаса семинариста и на меня, дымящего сигаретой.

Я соображал, колоться мне или нет. Анна же продолжила:

– Тысячу раз им было говорено, что этих тварей надо уничтожать не примитивной отравой. Уничтожать надо вожakov и пользоваться для этого специальным прикормом, который вызывает необратимые мутации. Но им, – она кивнула куда-то в сторону, видимо в сторону столичного мэра и его клевретов, – видите ли, «дорого». «Дорого», – передразнила она кого-то. Конечно, дорого, тут бабки не потыришь, как на антизамерзающих средствах для дорог или на дусте этом злосчастном. Это тебе не плитку на мостовых перекладывать, – и тут она уже понесла такую антиправительственную проповедь, что на моем месте даже Герцен с декабристами ужаснулись и потряслись до основ.

«Значит, обойдемся пока без явки с повинной», – решил я и подмигнул виновнику происшествия. (Нет, виновник – я. Причине происшествия.)

Причина слабо улыбнулась и всхлипнула. Потом вздрогнула и закричала:

– Ой, мне точно пора. Мне надо обязательно успеть, хоть к концу службы.

– Вали, докладывай, – процедила Анна и посмотрела на него с ненавистью.

– Пойдем, я тебя провожу, – мы поднялись и гуськом просочились в прихожую.

– Ты, Петь, не пропадай. Если что – звони. Есть куда записать?

Вьюноша порылся в бездонных карманах подрясника, подшитых изнутри, и извлек дешевенькую замызанную «нокию» допотопной модели. Я продиктовал ему номер телефона уже за дверью.

Прежде чем скрыться в лифте, он вдруг перекрестился и поклонился мне в ноги.

– Спаси вас Господи, Сергей. Я буду молиться за вас, обязательно буду. Преподобному Сергию, – он еще раз поклонился и шагнул в лифт.

Я же вернулся к Анне.

Анна пила кофе, злобная как гадюка. Я уселся на свое место и, перехватив пульт, принялся перещелкивать каналы. Анна следила за моими манипуляциями, наливаясь яростью, как пиявка кровью. Наконец она в бешенстве вырвала пульт у меня из рук и голосом, предвещавшим полноценный скандал, спросила:

– Так чего ты приперся, а?

– Поговорить, нежная моя.

Анна закинула ногу за ногу, обнажив стройную загорелую щиколотку, и откинулась на спинку стула.

– И что же ты хочешь поведать мне, велеречивый ты мой?

– О королях и капусте, сургуче и печатях, крысах и Преобразователе...

При последних словах Анна моргнула роскошными ресницами:

– О чем, о чем? – переспросила она с невинным видом.

– О крысах и преобразователе, – громко повторил я тоном нервного внука, пересказывающего выпуск вечерних новостей глухонемой бабушке.

– Я тебя внимательно слушаю.

– Если я правильно уяснил, то мой папа придумал препарат, способный влиять на мутации крыс-оборотней в обе стороны, а моя мама-крыса родила меня от папы-человека, что само собой уже является нонсенсом.

– ?

– Собственно, ничего нового, – ответил я на ее немой вопрос. – Но хотелось бы ясности.

– А что тебе еще не ясно? – голос Анны прозвучал как-то странно, будто куда-то поплыл.

Она тянула гласные, внимательно глядя мне в глаза. Привычные слова исчезли, заменившись образами, которые будто сами собой рождались в голове, заменяя человеческую речь. Но я ее понимал. Знакомые человеческому уху звуки и вовсе исчезли из ее подобного свисту пения. Из горла Анны лились звуки, похожие на те, что я где-то совсем недавно то ли слышал, то ли... Перед моими глазами возникла поднятая ко мне мордочка здоровенной крысы, измазанная в крови... самка, взбирающаяся по моей ноге... Не так ли я сам недавно разговаривал? Я не отводил взгляда от широко распахнутых черных глаз Анны и сообразил, что подпадаю под странное воздействие, под некоторую суггестию, что ли. Вот уже холодный пот бисеринками выступил у меня на висках, а я все слушаю ее *зов* и непонятные картины возникают в моем мозгу. Что она хочет мне сказать, что я должен увидеть? Мне хотелось услышать, понять, последовать за ней, потому что не следовать было невозможно... Я даже не удивился тому, что пропали окружавшие меня запахи. Мое обоняние, мое чуткое обоняние куда-то пропало. Оно не испортилось, не смазлось: я утратил его. Время улетучилось тоже, но улетучилось не так, как недавно на рынке, когда весь мир превратился в немое кино. В лицо вдруг повеяло весенней свежестью, и давно забытое чувство счастливого восторга стеснило мне грудь. Я будто вернулся в далекое детство, и чистая радость от собственного бытия захлестывала меня, вызывая слезы. Я вернулся, я смог, я победил! Ненужное человеческое тело мешало, отделяя меня от мира полного красок, звуков и запахов. Там, за незримой преградой, не было ни законов, ни боли, ни принуждения. Там не было выгоды и утрат, бессилия и разочарования. Я потянулся туда, но тугая петля боли захлестнула горло, ударив по взвинченным нервам...

Уж не знаю, кому сказать спасибо, только где-то в глубине, в самом дальнем подвале моего «Я» вдруг что-то щелкнуло и в то же мгновение я словно увидел себя со стороны. И что самое удивительное: я, оказывается, не просто как дурак пялился Анне в глаза, но и еще что-

то умудрялся попискивать ей в ответ. Это и взбесило меня окончательно. Я схватил чашку и выплеснул остатки кофе прямо в лицо женщине. Она вскрикнула и, отшатнувшись, прижала руки к лицу.

Преодолевая отвратительную дрожь в руках и коленях, я откинулся на спинку стула и попытался закурить. Треклятый пот снова заливал мне лицо, и я отер его рукой.

– Что это было? – спросил я, едва ворочая языком. Ощущение было такое, будто мне в десны вкололи пару-тройку кубиков лидокаина. Я не чувствовал ни языка, ни губ, ни щек. Мышцы лица будто одеревенели. Из глаз моих катились слезы, но я их тоже не ощущал.

Анна подошла к раковине и старательно умыла лицо. Надо же! Судя по тому, что потеков туши и помады я не обнаружил, она была даже не накрашена. Потрясающая женщина!

– Это был зов, – сказала она, вытирая лицо полотенцем. – Мне кажется, ты и сам догадался. Разве не так ты созвал крыс на погром сегодня на рынке?

– Но откуда ты...

– Знаю, что в погроме виноват ты? Или умею звать? Можно подумать, ты не знаешь ответы на эти вопросы! Я крысолов, Сережа, а ты сверхкрыса. *Uberattus* – пользуясь терминологией Ницше. Мы тебя вывели. Или ты сам вывелся, – Анна тряхнула волосами и взяла со стола портсигар. – Я вообще склонна доверять мифологии. Не зря мифы народов мира просто в один голос твердят о способностях всякой нечисти к самовыведению, саморазмножению и вездесущести. Как там у греков? Куда падали капли крови Горгоны Медузы, там рождались змеи, ехидны и скорпионы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.